

Тимур Лукьянов

Тайный орден

рыцарский роман

*Санкт-Петербург
«Реноме»
2008*

Лукиянов Тимур Леонидович
Тайный орден. Рыцарский роман. — СПб.: Реноме, 2008.

**Сокращенная интернет-версия
предназначена исключительно для
ознакомления**

Что такое добро и зло? В чем смысл человеческой жизни? Что есть Бог? Автор высказывает свою точку зрения о тайных причинах подготовки Первого крестового похода, о движении крестоносцев, о зарождении духовных рыцарских орденов; пытается найти ответы на извечные философские вопросы.

Книга, написанная на историческом материале, на грани жанров рыцарского романа и фэнтези, переносит читателя в конец эпохи «темных веков», во Францию 90-х годов XI века. Главный герой, молодой шампанский рыцарь, будущий основатель ордена Храма, оказывается на переднем крае противоборства вселенских сил света и тьмы. Реальные исторические события и персонажи, интриги и сражения, любовь и вера вплетены в героико-мистический сюжет этой романтической саги.

© Текст. Лукьянов Т. Л., 2008
© Иллюстрации. Нурулин Р. Б., 2008

Авторские права защищены законодательством РФ. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

*Праведен Господь во всех путях Своих
и благ во всех делах Своих¹.*

Пролог

Во второй половине одиннадцатого века в Европе заканчивалось время «темных веков», время невежества и безвластия, порожденное гибелью старого имперского Рима и продлившееся столетия. Предпринятая в начале девятого века, попытка Карла Великого возродить былое величие Европы завязла в распрях потомков императора. Потому к одиннадцатому столетию от былой славы династии Каролингов мало что осталось, кроме живущих в народе воспоминаний, обращенных в легенды, да развалин старых дворцов.

Королевская Франция того времени представляла собой страну, находящуюся в состоянии феодальной раздробленности и экономической разрухи. А с тех пор, когда в 1058 году король Генрих I Капет потерпел сокрушительное поражение при Варавилле от герцога Нормандии Вильгельма Незаконнорожденного, более известного впоследствии как Вильгельм Завоеватель, королевская власть ослабла чрезвычайно. Следующий французский король Филипп I (1053-1108) был отлучен от церкви за его распутный образ жизни и скандальное поведение. В 1092 году он, вопреки всем церковным и мирским законам, расторг свой брак с Бертой Голландской и похитил Бертрану де Монфор, жену герцога Анжуйского. Погрязший в своих личных проблемах, король Филипп I в политике действовал вяло и потому, в сущности, непосредственное влияние французского короля ограничивалось только Парижской и Орлеанской областями, в то время, как со всех сторон королевский домен² окружали

земли влиятельных и опасных вассалов французской короны.

Сын Генриха I Капета и Анны Ярославны Киевской, французский король Филипп I не отличался ни сильной волей, ни храбростью и правил страной нерешительно, не рискуя прогневать своих сильнейших вассалов. Лишь изредка король пытался производить какие-то активные действия в своем королевстве, наиболее заметными из которых были распря с Вильгельмом Завоевателем из-за сюзеренитета³ над Бретанью и конфликт с графом Анжуйским из-за Бертраны де Монфор. Долгие сорок восемь лет правления Филиппа I не принесли почти никакой пользы Франции, если не считать земельных прибавлений к собственным владениям короля (графства Вермандуа и Гатинэ). Но именно такая политика вполне устраивала наиболее могущественных королевских подданных, ставящих свои личные интересы гораздо выше интересов короны.

Король не обладал большой армией и администрацией, и могущественные вассалы французской короны, герцоги Нормандский, Бургундский и Аквитанский, графы Фландрский и Анжуйский во многих случаях проводили полностью независимую от короля политику. Тулузский граф подчинил себе почти всех соседей на юге, сделавшись чуть ли не единовластным правителем Лангедока и большей части Прованса, а Блуаский графский дом, владевший огромными территориями, был в то время настолько богат и силен, что могуществом и великолепием своим превосходил королевскую власть. Все эти и другие, подобные им, властители французских земель, оставаясь формально вассалами короля Франции, на деле часто игнорировали свои обязанности «людей короля» и под малейшим предлогом были готовы восстать против своего государя, о чем король хорошо знал и чего опасался, боясь прогневать своих грозных подданных.

Следуя примеру графов и герцогов, малые вассалы, которых насчитывалась не одна сотня, тоже старались отстаивать свою независимость, насколько это позволялось расстоянием от крепостей крупнейших сеньоров и короля, прочностью собственных укреплений и количеством подчиненных рыцарей. Причем, два последних фактора напрямую зависели от количества золота в казне феодала. Именно поэтому все эти мелкие князьки, пользуясь своей безнаказанностью и не считаясь с законами, отбирали у своих подданных почти все, что могли и зверски расправлялись с недовольными.

Те из притесняемых, кто не считал возможным далее терпеть бесчинства правителей, в свою очередь, собирались в банды и выходили на большие дороги, где грабили и убивали тех, кто был слабее их. Беззаконие, грабеж и насилие сделались самым обычным жизненным условием того времени. Безвластие и произвол царили на землях Франции почти повсеместно. Старые кое-как укрепленные дома феодалов, обнесенные частоколом и с деревянной башней посередине, уже не спасали своих хозяев от разгула преступности и повсеместно сменялись мощными каменными замками, прячась за высокими стенами которых, местечковые властители могли держать себя вызывающе даже с королем.

Помимо остальных жизненных невзгод, в последние пятнадцать лет одиннадцатого столетия долгая череда эпидемий и неурожайных «тощих лет» постигла Запад Европы. Сотни тысяч крестьян умирали от голода и моровых болезней, и даже многие феодалы жили почти что впроголодь. Доведенные до отчаяния люди собирались в вооруженные шайки, убивая себе подобных уже даже не из жадности наживы, а из элементарного чувства голода. Некоторые, подобно шакалам, не гнушались раскапывать могилы своих ближних и

съесть мертвецов.

Дороги Франции в это время таили в себе смертельную опасность для любого путешественника, отважившегося отправиться в путь без многочисленной и хорошо вооруженной охраны, но и охрана спасала далеко не всегда. Такое положение сильно осложняло торговлю. Многие владельцы поместий, окончательно разорившись, но будучи искушенными в военном деле, предлагали свои услуги тем, кто в это тяжелое и голодное время еще был в состоянии за них заплатить. Но предложение сильно опережало спрос, и такие «странствующие рыцари», «солдаты удачи» по сути, часто воевали на собственный страх и риск, захватывая чужие земли, замки, людей и имущество. Королевская власть почти бездействовала, и только великие дома Франции оставались способными поддерживать в эти тяжелые годы на своих собственных территориях какую-то видимость порядка и законности.

Обнищавший, страдающий от напастей народ в поисках исцеления души и тела продолжал уповать на веру в Господа, и церковь пользовалась этими народными чаяниями для укрепления собственной власти. В то же время, католическая церковь не могла помочь слишком многим, и тысячи людей искали утешения в других религиозных течениях. Появилось немало странствующих монахов, проповедующих мистические учения, и, как говорили, сведущих не только в целительстве, но и в магии.

Зародившееся в глубине «темных веков» рыцарство входило в ту пору в период своего расцвета: внешняя символика и обряды посвящения постепенно приобретали все большую значимость. Но рыцарские турниры, пиры и празднества требовали огромных затрат, и лишь немногие феодалы в это скудное материальными благами время были в состоянии устраивать подобные развлечения. Да и нравы

самых рыцарей еще отнюдь не отличались той изысканной утонченностью и куртуазностью, которая появилась только пару столетий позже.

Закон майората жестко устанавливал первенство старшего сына при получении наследства, и младшие мальчики в семье с малолетства готовились либо к жизни странствующего воина, либо к карьере священнослужителя. Многие младшие сыновья после смерти своих знатных отцов не получали ничего, кроме боевого коня, доспехов и оружия. Такие люди полностью зависели от воли и милости старших братьев и без их разрешения не имели права даже официально жениться. Именно в этой среде странствующих рыцарей, возмужавших младших отпрысков благородных семейств, и сложилось романтическое отношение к прекрасной даме, как постоянное стремление к идеалу возвышенному, но, увы, почти недостижимому в реальной жизни.

На деле же, среди подавляющего большинства этих воинственных, часто неграмотных и совершенно некультурных людей процветал дикий разгул. Захватывая селения они массовым образом насиловали беззащитных женщин, даже не снимая при этом доспехов, и пили спиртное до помутнения рассудка, а покоренные города и замки, согласно обычаю, отдавались победителям на трехдневное разграбление, что тоже считалось обыденным явлением той эпохи, и ни у кого, кроме самих потерпевших, не вызывало возмущения. Времена были суровыми, и право сильного господствовало безраздельно.

Глава 1. Поединок в лесу

Долгий спуск заканчивался. Заснеженные вершины и последний перевал оставались за спиной всадника. Впереди

ниже по склону сплошной полосой вставал хвойный лес, и узкая дорога терялась в нем. Все что угодно могло таиться там, под пологом вековых елей, но проезжий был готов к неожиданностям и решительно прищпорил лошадь.

Лес предгорий встретил всадника неверными тенями колышущихся на весеннем ветру ветвей, запахом хвои и прелой земли. Поначалу деревья обступали дорогу плотной стеной, но вскоре впереди показался просвет, и проезжий выехал на большую поляну, которую лесная дорога пересекала от края до края. Странная тишина повисла здесь. Тревожная тишина. Не было слышно ни птиц, ни ветра. Пегая лошадь дернула ушами, захрапела и остановилась. В прошлогодней сухой траве, чуть в стороне от дороги, проезжий заметил белеющие кости. Кому они принадлежали, зверю или человеку, он не успел разглядеть, потому что его внимание привлекло нечто иное: на другом конце поляны, впереди, там, где дорога опять исчезала в лесу, произошло какое-то движение, и из-за деревьев выехал всадник на громадном черном коне.

Крупный, широкий в плечах мужчина лет тридцати пяти с густыми усами и черной окладистой бородой уверенно держался в высоком седле. Голову его прикрывал стальной шлем. Одет всадник был в добротную длиннополую кольчугу, перепоясанную золоченым рыцарским поясом с заткнутым за него изогнутым мавританским кинжалом, а поверх кольчуги на плечи всадника был наброшен плащ бурого цвета, и из-под плаща выглядывали ножны меча. В левой руке воин держал большой продолговатый щит с незамысловатым гербом, состоящим из широкой косой красной полосы на зеленом поле, а в правой — поднятое кверху копьё.

Следом за первым всадником на поляну выехали еще трое конных, но, судя по их более скромному вооружению, все они были не более чем оруженосцами рыцаря.

— Эй, слезай с лошади! Дальше для тебя пути нет! — вместо приветствия прокричал чернобородый на иберийском наречии, и это сразу выдало, что рожден он был по другую сторону Пиренеев, в Испании.

— Кто ты такой и почему пытаешься меня задержать? — спросил проезжий на том же языке, и в голосе его не было робости.

— Я рыцарь Арчи де Веро. Я хозяин этого леса и Лесного замка и вправе задерживать всех на этой дороге, потому что это моя дорога, — раскатисто произнес рыцарь, выехавший из леса.

— Но дороги не принадлежат никому, кроме королей, — возразил проезжий.

— Отсюда до ближайшего короля далеко, — усмехнулся де Веро, ничуть не смутившись, и добавил:

— А в отсутствие королей я охраняю эту лесную дорогу и не допускаю проезда по ней вооруженных людей со стороны гор.

— Но здесь уже не испанские земли, и ты не имеешь права задерживать в этих краях данников короля Франции! — возмутился проезжий.

— Еще как имею. Ты же не станешь отрицать, что вооружен, и что на твоём лбу не написано, чей ты данник, ведь верно? Мой отец и мой дед тоже охраняли эту дорогу. В предгорьях Пиренеев всегда беспокойно, а я опоясанный христианский рыцарь и не тебе меня учить, как мне жить и кого останавливать. Ты, невежа, даже не назвал мне своего имени, хотя по всем знакам я вижу, что ты тоже, вроде бы, человек военный, — пророкотал чернобородый.

— Я подданный короля франков Филиппа Капета, мое имя Гуго де Пейн, и родом я из Шампани, — представился проезжий и добавил:

— И я не собираюсь поучать тебя. Я еду из Арагона. Два года честно служил я доблестному королю Санчо Рамиресу и теперь возвращаюсь на родину, чтобы почтить прах моих покойных родителей. Цель моей поездки весьма мирная, а вооружен я лишь ради защиты. Так что, сделай милость, дай мне спокойно проехать.

— Ты хорошо рассказываешь. Но почему я должен верить тебе? Давай подорожную. А если у тебя ее нет, то ты спокойно проедешь по этой дороге только в двух случаях. Либо, заплатив пошлину за проезд через эти лесные угодья, либо через мой труп, — пробасил де Веро.

— У меня нет подорожной. Покидая Арагон, я не запасся ею, полагая, что поеду на родину по христианским землям, где братья во Христе встретят меня как друга. Не думал я, что такие как ты промышляют на лесных дорогах наподобие гнусных разбойников, — сказал француз.

— Я не разбойник. Я пограничный страж. И не советую меня оскорблять, — прогудел испанец.

— Если ты и вправду страж границы, у тебя должен иметься указ с королевской печатью. Так предъяви же его, и я подчинюсь в том случае, если требования твои законны, — сказал рыцарь из Шампани.

Испанец побагровел и, почти рыча от злости, прокричал:

— Строишь из себя умника? Лучше не шути со мной! Предупреждаю! Заплати пошлину и проезжай, или мой меч и мое копьё станут тебе последним указом.

— И какова же плата? — тихо спросил де Пейн.

— Одна из твоих лошадей, — недобро усмехнувшись, рявкнул испанец.

— Но это бесчестная плата. Ты же видишь, что у меня и так всего одна лошадь, и я не могу отказаться от нее в начале дальней дороги, — произнес француз.

— Ты назвал пошлину за проезд через границу бесчестной платой. Или, быть может, я ослышался? — с вызовом в голосе произнес де Веро.

— Ты понял верно мои слова, — без эмоций сказал проезжий.

— Ах, вот как! Только что ты оскорбил меня на глазах у моих оруженосцев, посчитав бесчестным, и я, как и подобает христианскому рыцарю, вызываю тебя на бой! — прокричал чернобородый.

— Но я не хочу ссориться с тобой, я такой же христианский рыцарь, как и ты, но я считаю, что не гоже добрым христианам драться друг с другом, — не повышая голоса, произнес де Пейн.

— А я думаю по-иному. И, если ты действительно рыцарь, то я предлагаю тебе биться на копьях, а не хочешь биться, — тогда слезай с лошади и отдай мне меч, — громовым басом прогудел испанец.

— Я не смогу биться с тобой на копьях, потому что у меня нет ни копья, ни щита. Последнее свое копьё я недавно сломал в бою с маврами по ту сторону гор. Там же мне разбили и щит, — оставаясь спокойным, произнес француз.

— Раз у тебя нет ни копья, ни щита, то предлагаю тебе сдаться без боя и отдать мне, как сильнейшему, свою лошадь, упряжь и вооружение, в противном случае, я заполучу все это ценой твоей жизни! — прокричал Арчи, все более распаляясь и уже опуская свое копьё в боевое положение.

— Может, ты уберешь щит и копьё, и мы сразимся на мечах в честном бою? Или прикажи своим людям дать и мне копьё и щит, — все еще спокойно предложил Гуго де Пейн, глядя прямо в злые, налитые кровью глаза де Веро.

— Еще чего! Если испугался моего копья, тогда сдавайся! — взревел испанец.

— Ты дерзок непомерно, но не в правилах рыцарской чести нападать, имея заранее преимущество, и ты нарушаешь обычай. Подумай, какая дурная слава пойдет о тебе, — все также внешне спокойно произнес шампанский рыцарь, и лишь бешенный блеск его карих глаз выдавал сильное внутреннее волнение.

— Но, кажется, здесь нет свидетелей, кроме моих верных людей, и ничто не мешает мне пощекотать тебя острым железом, если ты сейчас же не заплатишь пошлину, либо не повернешь назад, — ухмыльнулся Арчи, поднимая щит и явно намереваясь атаковать.

Разительная перемена в один миг произошла с шампанцем. Лицо его побледнело. Он выпрямился в седле, а правая рука его легла на рукоять меча. Ясно и громко он произнес:

— Ты поступаешь как гнусный лесной разбойник, а не как честный христианин! Но знай, дерзкий человек, что я не отступаю до тех пор, пока число врагов втроекратно не превосходит мои силы, но и тогда я пытаюсь сделать все возможное для победы. Ибо настоящий рыцарь не тот, кто похваляется своей силой и доблестью, а лишь тот, кто несет в мир Божию справедливость и отстаивает правое дело ценой своей жизни.

— Что ж, сейчас мы увидим насколько ты тянешь на настоящего рыцаря, недоносок! Защищайся! — прокричал Арчи, и, ударив шпорами, решительно направил своего тяжелого боевого коня наперерез поджарой кобыле де Пейна. Но пегая лошадь последнего, хоть и выглядела гораздо слабее и меньше огромного скакуна испанца, прошла трудный боевой путь в горах. Кобыла оказалась проворнее коня и, повинуясь своему седоку, выручила его, легко отпрыгнув в сторону в самый последний момент. И как раз вовремя для того, чтобы де Пейн

смог, приподнявшись на стременах, нанести удар кончиком меча точно по шлему атакующего, в тот самый миг, когда копьё последнего прошло всего в паре дюймов от шлема француза.

От удара мечом голова испанца загнулась под стальным шлемом, как медный колокол, и, оглушенный, он всплеснул руками, выпустил поводья и, уронив копьё, слетел в траву со своего боевого коня. Гуго де Пейн тут же спешился, убрал меч в ножны и, наклонившись к упавшему, подал руку, желая помочь поверженному наземь противнику подняться на ноги. Но Арчи де Веро уже пришел в себя и с такой неожиданной силой потянул де Пейна за руку вниз, что тот упал на испанца, и вместе они покатались по земле, сцепившись и схватив друг друга за горло.

Свободной рукой Арчи де Веро выхватил свой большой изогнутый кинжал и пару раз ткнул им француза в бок, но места для размаха не было, и двойная кольчуга из черненой стали, захваченная де Пейном на войне с маврами, не пропустила лезвие. Тем временем, шампанский рыцарь ударил противника по лицу кулаком, освободился от хватки и вскочил на ноги. Одновременно то же самое, не обращая внимания на разбитый нос, сделал и его противник.

Теперь они стояли друг против друга как два разъяренных льва, отстаивающих каждый свою территорию. В руках у обоих противников сверкали смертоносные стальные клинки. Арчи отпрыгнул назад и, ловко заткнув за пояс кривой мавританский кинжал, выхватил из ножен широкий нормандский меч, левой рукой прикрываясь своим большим щитом, который он уже успел подобрать с земли после падения с лошади. Гуго де Пейн в правой руке сжимал узкий, но более длинный, чем у противника прямой обоюдоострый испанский меч, а в левой мизерикордию⁴ — рыцарский кинжал с тонким, но очень прочным лезвием.

— Последний раз предлагаю прекратить эту бессмысленную драку, — сказал Гуго.

— Не дождешься! — прорычал его противник и перешел в наступление.

Прикрываясь щитом, испанец принялся с таким остервенением рубить своим тяжелым мечом воздух, что все вокруг них загудело, и, как показалось де Пейну, даже поднялся ветер. Нечего было и думать парировать столь мощные удары. Гуго всякий раз приходилось с трудом уворачиваться и отпрыгивать в сторону.

Только теперь француз понял, насколько его противник силен и опасен. Чернобородый был и заметно плотнее, и шире в плечах, и выше шампанца почти на целую голову. Такого одолеть не просто. Рубить мечом в ответ смысла не имело: у Арчи де Веро был надежный щит, и рубящие удары означали бы для Гуго лишь пустую потерю сил на разбивание этого прочного, окованного железом, препятствия. Единственное, на что можно было надеяться шампанцу, так это на точный укол мечом или кинжалом в лицо или горло, поскольку все остальное тело противника было надежно укрыто сталью.

Они дрались уже долго. Рыцари обливались потом под своими кольчугами и тяжело дышали, но оба еще были достаточно проворны, и никто пока не получил ни серьезных ран, ни увечий. Но Арчи уставал чуть быстрее: наверное, сказывалась тяжесть щита и, быть может то, что в пылу схватки испанец, в отличие от франка, не подумал снять с себя длинный плащ, который теперь только мешал ему драться.

Движения противника чуть-чуть замедлились, когда вдруг, изловчившись, Гуго де Пейн удачно, ловким приемом, подставил меч под очередной удар, проворно поднырнул под правую руку испанца и левой рукой воткнул свой длинный кинжал тому в горло под самый подбородок так стремительно,

что Арчи де Веро не успел отбить быстрый клинок своим тяжелым щитом. Испанец издал громкий хлюпающий звук, серые глаза его широко раскрылись от боли и изумления, а изо рта хлынул алый поток. Не в силах более сражаться, он уронил меч, зашатался, откинул свой большой тяжелый щит и упал на траву, руками пытаясь остановить кровь из ужасной раны на шее. Но кровь продолжала хлестать, проходя сквозь пальцы и стекая на землю.

Через несколько страшных минут, в течение которых лесной рыцарь безуспешно боролся со смертью, все было кончено. Де Веро забился в агонии и скончался. Трое его людей в поединок не вмешивались, они давно спешили и теперь молча стояли над своим хозяином, неподвижно лежащим вниз лицом в окровавленной траве. Никто из них даже не пытался напасть на де Пейна: оруженосцы убитого были подавлены и растеряны, по всей видимости, никто из них и не ожидал такого исхода дела, скорее всего, погибший неизменно выходил победителем из подобных стычек.

— Господи, прости меня, если можешь, за эту смерть, ты знаешь, что я не желал ее, но иного выбора ты мне не оставил. Прости, что я убил брата своего во Христе, — молился де Пейн перед крестовиной своего, воткнутого в землю, меча, стоя на коленях над мертвым телом.

Затем француз взял оружие убитого, поймал его коня, бродившего чуть поодаль, и начал привязывать уздечку к своему седлу. Гуго де Пейн уже пару лет ездил и воевал на кобыле по кличке Босеан. Это была молодая, но уже крепкая, выносливая и хорошо обученная лошадь, послушная своему хозяину, хотя чистота ее породы оставляла желать лучшего, а неприязательная пегая расцветка не давала возможности ее владельцу, проезжая, обращать на себя внимание знатных особ. Поэтому, осмотрев добычу, де Пейн остался доволен: прекрасно

обученный рыцарский конь черной масти представлял собой крупное, хорошо ухоженное животное чистых иберийских кровей в расцвете сил и стоил один целого состояния. Еще совсем недавно о таком коне Гуго, будучи весьма небогатым, мог только мечтать.

— Справедливый сеньор, сделайте милость, оставьте хотя бы этого коня, ради пропитания вдовы и пятерых детей покойного, — неожиданно взмолился седой оруженосец, старший из людей погибшего рыцаря.

— А я думал, что ваш хозяин богач, раз он назвался владельцем Лесного замка, — сказал француз.

— Этот «замок» на самом деле всего лишь ветхая хижина, в которую мы все перебрались после бегства из Испании, когда проклятые мавры отобрали наше имущество и изгнали нас с наших земель, — сказал оруженосец покойного рыцаря.

— И многих путников порешил ваш патрон⁵ на этой дороге? — спросил Гуго.

— Это был его единственный заработок, но он всегда вызывал противников на бой и сражался с ними один на один, как честный рыцарь, — произнес седовласый оруженосец, потупив взор.

— Как сегодня, например? Своими манерами он показался мне скорее разбойником. Где это видано, нападать с копьём и щитом, когда у противника имеется только меч? — сказал шампанец.

— Простите его, сеньор. Он уже заплатил жизнью за свою ошибку, — произнес оруженосец, опустив глаза.

— И то верно. Что ж, я не возьму ни его коня, ни меч, ни доспехи. В память об этом поединке я оставлю себе только щит и копьё, и надеюсь, чтобы везти трофеи вы дадите мне хоть какую-нибудь лошаденку? Мне предстоит долгий путь, и запасная лошадка будет весьма кстати, — сказал Гуго де Пейн,

легко отказываясь от лучшей доли законной добычи, ибо алчность и мелочность всегда были противны этому человеку, и, уж тем более, ему не хотелось наживаться на несчастье сирот.

Оруженосцы убитого молча подвели де Пейну одну из своих лошадей, такую же пегую и некрасивую, как и собственная кобыла Гуго, хотя вовсе не такую высокую, и привязали к ее седлу копьё и щит поверженного лесного рыцаря.

— Передайте вдове мои соболезнования. Господь свидетель, я не желал этого убийства, но если бы я не проткнул ему горло, сейчас сам лежал бы вместо него, — сказал победитель оруженосцам покойного, и с этими словами он отпустил черного коня и бросил захваченный в бою меч рядом с телом убитого.

Привязав к своему седлу уздечку запасной лошади, Гуго де Пейн тронулся в путь.

Вскочив он углубился в лесную чащу. На душе его было тяжело. В который уже раз он размышлял о том, что профессия воина сродни профессии мясника. Так же хорошо нужно обращаться с острым инструментом и уметь пускать кровь. Только, в отличие от мясника, воин имеет дело с кровью человеческой. И жизни он отнимает тоже людские. Какое он имеет право отнимать жизнь у других? Говорят, что сила и удача даются Богом, но значит ли это, что удачливый и сильнейший всегда поступает справедливо, побеждая других, более слабых и менее удачливых? А, может, наоборот, силу и везение дает дьявол, ввергая человека в искушение, заставляя служить себе?

Но Гуго не видел в своем поступке ничего дьявольского. Скольких путников погубил тот рыцарь, убитый им сегодня на лесной поляне? А не одолей он его, лежать бы ему самому там, а скольких бы добрых христиан лесной убийца еще заколол своим длинным копьём? Так кто же действовал по наущению

дьявола? Да, остались сиротами дети, безутешна вдова, но разве лучше было бы, если бы убийства на лесной дороге продолжались? Разве у тех, кого убивал Арчи де Веро не оставались дома матери, вдовы и дети?

Конечно, был и иной выбор. Можно было, наверное, развернуть лошадь и поискать другую дорогу в нужном направлении, но Гуго де Пейн не был уверен, что в этом случае де Веро не напал бы на него со спины. Да и разве имеет право христианский рыцарь на трусливое отступление? Разве мог он бежать от опасности? Нет, наверное, это сам Господь привел его, де Пейна, на эту поляну. Привел, чтобы восторжествовала справедливость...

Рассуждая так, Гуго немного успокоился. Теперь он не чувствовал за собой вины. Просто было тягостно и противно, и стыдно. Стыдно за этого Арчи де Веро, за этого бессовестного человека, убивавшего себе подобных на лесной дороге во имя пропитания своей семьи. Чем же он тогда отличался от кровожадного зверя, поедающего своих сородичей ради прокорма? Или некоторые люди от зверей отличаются только внешне? Что ж, может оно и так. Во всяком случае, жизнь самого де Пейна говорила об этом многими примерами. Повсюду видел он торжество права силы и мести, глупые кровопролитные ссоры, страшные казни. Где же она, христианская добродетель? Где они, добрые люди? Почему их так мало вокруг? Почему на белом свете так много жестокости и крови? Неужели все это угодно Богу? Но чем же тогда Бог отличается от дьявола? Гуго де Пейн часто и много размышлял над этими вопросами, но ответов не находил никогда.

Вскоре шампанский рыцарь получил новую почву для продолжения своих размышлений. Через два дня пути, проезжая по землям Лангедока, де Пейн остановился на

постоялом дворе в окрестностях небольшого городка Альби. Внезапно в трактир, где он обедал, вошел оборванный нищий старик, опирающийся на сучковатую палку.

— Подайте ради Христа и спасения души! — просил он милостыню, протягивая тощую, костлявую руку.

Но люди, сидящие в трактире, двое проезжих купцов со своей наемной охраной, состоящей из дюжины провансальских вояк, не спешили подавать просящему, делая вид, что вовсе не замечают его. Гуго пожалел старика. Он отдал ему несколько мелких серебряных монет и сверх того попросил трактирщика накормить нищего.

Старик не отказался, он уселся подле де Пейна на грубо сколоченную деревянную лавку и внимательно смотрел на молодого рыцаря, но съел нищий совсем немного. К мясу и вину он не притронулся, хотя и казался на вид очень голодным. Старик съел только две небольшие лепешки, запив их простой водой, а еще три таких же взял про запас, завернув их в грязную тряпицу.

— Откуда вы, отец, и как дошли до жизни такой? — спросил Гуго.

— Я из павликиан, добрый юноша, но в этих краях нас охотнее называют катарами. Я родился здесь, но происхожу из последователей святого Павла, апостола Иисуса Христа. Мои предки пришли с востока, из Болгарии. Двести лет назад проклятые греки вместе с их нечестивым патриархом прогнали нас из наших родных мест. И вот, давно уже ходят братья наши по землям Лангедока, наставляя людей на путь истинный, на путь спасения души, — поведал старец.

— А разве церковь не делает то же самое? — спросил молодой франк.

— Церковь погрязла во грехе. И попали служители ее под власть дьявольскую. И забыли служители ее то, к чему

предназначены были. И не учат они людей Спасению, а лишь набивают закрома свои, отбирая у бедных добро последнее, — сказал старик.

Старый павликианин говорил тихо, но твердо, с такой великой убежденностью, что от слов его по спине Гуго де Пейна даже побежали мурашки.

— Запомни, юноша, есть Бог, и есть Дьявол. Есть Свет, и есть Тьма. И изначально дух человеческий чист, как свет солнечный. Ибо каждая душа есть частица Бога. И раньше мир весь состоял из света, и населяли его ангелы бестелесные. Но потом дьявол выстроил свой мир. И ты видишь результаты трудов дьявола вокруг себя. Ибо весь этот грубый мир выстроен дьяволом с единственной целью: заключить души людские в тюрьму плоти, чтобы мучить их соблазнами и искушениями. Посему вся материя греховна. Ибо вся материя исходит от дьявола. А все дьявольское есть тьма, и эта тьма всюду, — вещал старый катар.

— Так значит, по-вашему, мы живем в мире дьявола? — спросил де Пейн.

— Конечно, — произнес старец, жуя лепешку беззубым ртом.

— Но в Священном Писании сказано, что мир создал Бог, — сказал рыцарь.

— Бог создал истинный мир, но не этот. А этот — лишь отражение мира настоящего. Грубое отражение, искаженное дьяволом. И даже священные писания здесь искажены. Посмотри, сколько вокруг несправедливости и боли. Разве может быть такое сотворено Богом? — с жаром произнес проповедник, и глаза его сверкнули.

— Так что же, по-вашему, отец, получается, что все мы живем в аду? — задал очередной вопрос француз.

— Да, добрый юноша, говорю тебе истинно, этот мир и

есть преддверие ада. Но те, кто грешит, кто поддается соблазнам дьявольским, после смерти опустятся еще ниже, в самое пекло. И только души праведников смогут вырваться и подняться к Богу. Ибо Иисус Христос, Спаситель наш и Утешитель, научил людей, как спастись от дьявола, — сверкая глазами, сказал старец.

— Но если весь этот мир так уж плох, зачем тогда жить? Не лучше ли сразу покончить с собой? — спросил молодой франк.

— Дьявол только того и ждет. Он питается слабостью человеческой. Питается душами слабых, душами всех тех, кто отступил перед ним. И потому перед ним нельзя отступать. Нужно бороться и принимать все мучения до конца. Преодолевая соблазны дьявольские, нужно закалять свою душу, сделать душу чистой и сильной. Такой, чтобы после смерти тела смогла она пробиться через все сети бесовские и спастись, возвратясь к Господу. И смысл жизни человеческой в преодолении дьявола, в спасении своей души, и в том, чтобы помогать спастись другим людям. А чтобы спасти свою душу нужно все время смирать гордыню и умерщвлять плоть. Поэтому следует жить как можно беднее, а работать так тяжело, как только позволяют силы. Ибо сказал апостол Павел: «Кто не работает, да не ест!» Вот и мне пора возвращаться к работе. Ибо проповедую я от рассвета и до заката. Хожу пешком от селения к селению в любую погоду и рассказываю людям правду Божию, пока силы не оставляют меня, и тогда я засыпаю под каким-нибудь кустом. Так и живу. И другого мне не надо, ибо везде в этом мире властвует дьявол. А ты, юноша, запомни мои слова и подумай о них. — Старик поднялся, оперся на свою клюку, взял узелок с едой и заковылял прочь из трактира. Он был неприятен на вид: грязен, космат и оборван, его руки покрывали язвы, а желтоватые глаза гноились. Да и пахло от

него скверно. Но какая же внутренняя сила была в этом человеке! И слова старого катара хорошо запомнились де Пейну, задели какую-то потаенную струнку, нашли отклик в глубинах души шампанского рыцаря.

Он ехал из Лангедока дальше на север. Миновав владения графа Тулузы, рыцарь Гуго де Пейн въехал в герцогство Аквитанское, двигаясь по направлению к Сиенским горам, за которыми лежали земли его родной Шампани. Объезжая горы с запада, он снова размышлял по дороге. В сознании рыцаря то и дело всплывали слова старого павликианина. Свет и Тьма... Он уже много раз слышал эти слова раньше. И не только церковные пастыри произносили их. Язычники тоже делили мир на Свет и на Тьму, на доброе и на злое. И вот теперь этот оборванный павликианин со своим учением...

«Но что же тогда получается, — думал Гуго, — если дьявол тоже способен построить целый мир, то, значит, он ни в чем не уступает самому Господу Богу? Выходит, что бога два: одного зовут Господь, а имя второго Сатана или дьявол. Один представляет добро, а другой — зло. Но вряд ли. Скорее, старик ошибается. Нет, не создан этот мир дьяволом, а создан Богом. Не может все окружающее исходить от дьявола, ибо мир все же прекрасен. Красивы деревья, трава, цветы, небо, вода. А разве способно зло породить красоту? И дьявол, хоть и творит произвол повсюду, все же слабее Бога. Не случайно же священники святой церкви говорят, что Сатана всего лишь падший ангел. Значит, зло намного слабее, и добро, в конце концов, восторжествует. Но вот только, где же свидетельства этому, если повсюду господствует именно зло? Может быть, старик не так уж и не прав, и мир действительно давно попал под власть Сатаны?»...

Глава 2. Возвращение

Был Великий Пост. Благовещение уже прошло, а Пасха еще не наступила. Весеннее утро 1094 года выдалось в Шампани сырым и холодным. С затянутого облаками неба время от времени накрапывал мелкий дождь. Резкий северный ветер налетал порывами и трепал зеленый плащ всадника. После долгой зимы земля уже оттаяла, и высокая пегая лошадь шла неровно, то и дело проваливаясь копытами в наполненные жидкой грязью рытвины старой дороги. Всадник ехал медленно. За ним на привязи плелась усталая запасная лошадка такой же пегой расцветки, как и первая, с притороченным к седлу большим продолговатым щитом, длинным копьем и еще какой-то поклажей.

Вдруг, чуть впереди, из-за ветхой скособочившейся хозяйственной постройки показалась какая-то старая женщина в серых шерстяных лохмотьях. Уныло сгорбив спину, молча шла она под дождем по направлению к обветшалым домам. Всадник догнал ее и окликнул:

— Мамаша, что случилось, почему у вас тут такая разруха?

Старуха обернулась, остановилась в замешательстве и внимательно посмотрела на всадника, неожиданно появившегося перед ней. В одетом по-военному темноволосом молодом человеке с небольшой бородкой, восседающем на высокой пегой кобыле, она с трудом узнала сына покойного хозяина поместья Пейн, — Гуго, — много лет назад уехавшего из дома по воле отца, отправившего единственного наследника на службу к своему сюзерену.

— Простите, монсеньер, что я, старая, сразу с вами не поздоровалась. Я помню вас ребенком, а теперь вы так

возмужали, что трудно и узнать. — Пожилая женщина еще раз смерила де Пейна взглядом, быстро скользнув выцветшими от возраста, но все еще очень внимательными голубыми глазами от простого стального шлема, прикрывающего голову воина, до его забрызганных грязью латных сапог с золотыми рыцарскими шпорами, и продолжила:

— После вашего отъезда Господь обрушил на нас много несчастий. Из-за неурожайных лет мы здесь все время голодали. Сначала умер ваш батюшка. Потом, два года назад, пришел страшный мор. Многих мы схоронили после него. И ваша матушка тоже скончалась. А в прошлом году появились разбойники. Они взяли замок, перебили дворовых людей ваших родителей, из тех, кто после смерти хозяев еще оставался здесь, разрушили Пейн и разграбили всю округу, забрали весь скудный урожай, сожгли окрестные виноградники, а нас, бедных крестьян, обложили тяжелой данью. Много семей умерло. Некоторые погибли от голода, другие — от болезней, третьи — от холодной зимы, а кто-то — от рук разбойников.

Только теперь Гуго обратил внимание, что и с замком что-то не так. Вглядевшись, сквозь пелену дождя он заметил, что бревна частокола на невысоком холмике почернели после пожара, а наверху, вместо кровли родительского дома торчали обугленные остовы стропил. И только потемневший от копоти, но не тронутый пламенем каменный донжон⁶ по-прежнему гордо возвышался над пепелищем.

Сердце Гуго сжалось от горя. Хотя он и был уже извещен, — полгода назад в Испании ему передал горестную весть один из французских рыцарей, славный молодой человек, прибывший из родных краев на службу в Арагон. Рыцарь рассказал, что родители де Пейна умерли, и замок теперь совсем заброшен. Это известие и было причиной, по которой

Гуго де Пейн оставил службу арагонскому королю и пустился в долгий и опасный путь домой. Разные мысли о родном поместье приходили в голову де Пейну по дороге, но все равно Гуго не ожидал увидеть такую разруху в конце пути.

Маленький замок Пейн являлся одним из тех многочисленных опорных пунктов, которые в одиннадцатом веке во множестве возводились властью имущими Западной Европы для поддержания порядка. В ту пору большинство подобных сооружений строились по старинке на земляной насыпи и огораживались деревянным частоколом с рвом перед ним, да и сами башни таких укреплений часто еще оставались деревянными. Поэтому отец Гуго де Пейна очень гордился своими каменными постройками: пусть и не слишком толстой, но достаточно высокой и массивной аркой ворот с караульной площадкой наверху, единственной башней замка и новыми палатами, возведенными из гладко обтесанных известковых глыб, взятых с развалин какой-то древней римской постройки. А еще отец мечтал построить вокруг замка каменную стену вместо старой деревянной, но так и не построил.

Теперь же взору де Пейна-младшего предстали одни лишь безрадостные руины отцовского гнезда. Стены крепости, сделанные больше века назад из сосновых стволов, обмазанных смолой и глиной, сильно обгорели и частично обвалились, а в уцелевшей их части зияли пробитые топорами бреши — крестьяне постепенно растаскивали не пострадавшее от огня дерево. Обуглившиеся доски разбитого подъемного моста, словно черные непогребенные кости, торчали из засыпанного почти до самого верха неглубокого рва. Проточную воду, которая поступала в этот ров из маленького ручья, по-видимому, отвели перед осадой, и теперь на дне рва образовалось дурно пахнущее болото, а по земляной насыпи, сделанной штурмующими и

перегородившей ров, можно было свободно подъехать к воротам.

Каменная арка ворот сохранилась, но тяжелые, окованные железными полосами, створки были сорваны. Правая слегка обгорела и лежала на земле, а левая сгорела почти вся, железный каркас ее перекосялся и висел на одной петле, чем-то напоминая почерневший скелет. В тесном внутреннем двореке тоже виднелись следы бушевавшего пламени. Повсюду валялись обгорелые остатки сломанной грубой деревянной мебели и глиняные черепки разбитой нехитрой домашней утвари.

Более или менее уцелел только донжон — главная башня, которая была единственной в этом маленьком замке. Эту башню на месте старой, деревянной, двадцать лет назад построил отец Гуго де Пейна, и, если не считать того, что почти целиком башня была сложена из камней, обтесанных еще рабами Великого Рима и взятых из каких-то развалин, она могла считаться довольно новым сооружением. Правда, на первом ее этаже сейчас тоже царили запустение и разгром, но в верхнем помещении, расположенном под самой дозорной площадкой, куда вела узкая каменная лестница без перил, выложенная вдоль внутренней стены, сохранились длинный стол, два тяжелых дубовых кресла, большой, хотя и опустошенный грабителями, сундук и широкая скамья.

Гуго снял кожаные сумки с поклажей, привязанные к седлам, и, расседлав усталых лошадей, самостоятельно отнес все свое походное имущество и оружие в башню. Ни оруженосцев, ни другой прислуги у молодого рыцаря не было, но он с детства привык все делать сам и не нуждался ни в чьих услугах.

Начинало темнеть. Молодой рыцарь, приложив немало усилий, поднял с пола и кое-как привалил к разбитому проему

массивную, окованную железом дверь башни, сорванную с петель грабителями, и подпер ее изнутри тяжелой доской. Только после этого, освещая себе путь маленьким огоньком свечи, он поднялся наверх, помолился Господу перед крестом рукояти своего меча, как привык это делать в походах, расстелил на широкой деревянной скамье свой дорожный плащ, и, положив, по возникшей за время опасных путешествий привычке, кинжал под голову, прилег отдохнуть.

Снаружи опять шел дождь, холодный ветер свободно гулял между бойницами, но долгое путешествие верхом настолько утомило Гуго де Пейна, что он быстро заснул. Ему снова, уже в который раз, снился непонятный, повторяющийся сон.

Он скакал по песку. Воздух вокруг был пыльным, густым и невероятно горячим. На западе за край горизонта в желто-серой песчаной дали садилось кроваво-красное солнце. Его закатные лучи окрашивали необычным золотисто-огненным цветом зловещего вида горы, торчащие повсюду. Впереди, вдали, там, куда скакал Гуго, виднелись высокие стены хорошо укрепленного города на каменистом холме.

Гуго был не один. Множество других всадников неслись к городу слева и справа, позади и немного впереди него. Вместе они составляли большое конное войско. Всадники были закованы в тяжелые доспехи. Над их головами на высоко поднятых копьях развивались узкие вымпелы и боевые знамена. И на всех знаменах присутствовал знак креста. А на небе до горизонтов протянулись две пересекающиеся гряды перистых облаков, тоже напоминая гигантский крест.

Фамильный склеп рода де Пейнов примыкал к старинной часовне, возведенной почти три века назад, как рассказывали,

по распоряжению проезжавшего мимо Карла Великого. Иные уверяли, что часовня еще древнее и стоит на этом месте уже шесть веков, со времен правления первого христианского короля франков Хлодвига из династии Меровингов, которому здесь будто бы явилась Дева Мария. Как бы там ни было, время, войны и вандалы каким-то чудом пощадили это небольшое каменное строение, скромное и, вместе с тем, исполненное таинственного величия и строгой красоты.

Через много лет злые языки скажут, что основатель ордена Храма шампанский рыцарь Гуго де Пейн был вероотступником и безбожником, что он был тайным приверженцем манихейства или иудаизма, или ислама, или что он был катаром, или что он продал свою душу дьяволу, но все это вовсе не соответствует истине. Всю свою жизнь Гуго де Пейн верил в Господа христиан. Просто он верил по-своему. Может, не совсем так, как это было предписано канонами Римской католической церкви. Но он свято верил в Иисуса Христа и всю жизнь нес эту веру в сердце своем.

Когда Гуго вошел в древний, пропахший сыростью зал склепа и увидел в полу, рядом с могилами дедов, две новые плиты с высеченными именами родителей, сработанные из грубо отесанного камня местными не очень искусными мастеровыми монахами из ближайшего монастыря, он не заплакал, но невероятная тяжесть вдруг сдавила ему грудь и сжала сердце. Это была и тяжесть утраты, и боль скорби. Но, в то же время, это было и сожаление. Гуго сожалел о напрасно прожитой, утопленной в пристрастии к винопитию, никчемной жизни отца, равно как сожалел и о закончившейся в сером фанатизме слепой веры скупой жизни матери, так и не понявшей его, своего единственного сына.

Постояв некоторое время посреди фамильного склепа,

Гуго вышел наружу но, вместо того, чтобы сразу идти в часовню, медленно проследовал на противоположный край кладбища, к неухоженной, покрытой сухими прошлогодними сорняками могилке с небольшим покосившимся полусгнившим деревянным крестом. Здесь тринадцать лет назад был похоронен наставник Гуго де Пейна, ученый монах Аквиор.

Когда Гуго едва исполнилось пять лет, его отец был уже совсем плох. Его лицо приобрело землистый оттенок, а разрушенная вином печень болела так, что он кричал по ночам. Вот тогда кто-то из окрестных священников и подсказал матери Гуго взять к себе одного старого пилигрима, ведающего, как говорили, тайны врачевания.

Маленький Гуго не знал, из какого монастыря пришел его наставник, и как звали того служителя церкви, который привел старика к больному рыцарю. Гуго запомнил только, как изменилось состояние здоровья его отца. Уже через месяц после начала лечения отварами каких-то таинственных высушенных трав, запасы которых оказались у монаха Аквиора, хозяин замка перестал кричать от боли, поднялся с постели, и обычное самодовольное выражение лица постепенно вернулось к нему.

С тех пор старый монах неотлучно находился в замке на полном содержании хозяев. А поскольку его крохотная комнатка-келья примыкала к, отгороженному от зала полинялым гобеленом, закутку маленького Гуго, получалось, что монах почти все свое время проводил рядом с наследником Пейна. Обоим было скучно. И очень быстро старик и ребенок привязались друг к другу и придумали себе занятие: много узнавшему и повидавшему на своем веку старому человеку не хотелось, чтобы накопленные им знания бесследно ушли вместе с ним в могилу, а ребенку было интересно все, что лежало за пределами маленького мирка родительского поместья.

Родители почти не уделяли ему должного внимания. Мать молилась, а отец пил. Мальчик рос отдельно от сверстников. С крестьянскими детьми ему строго запрещали общаться, а в маленьком замке не было других малышей, и, лишь изредка, во время конных прогулок, ему удавалось встретиться с сыновьями владельцев соседних земель. Отец, несмотря на болезнь печени, постоянно устраивал попойки со своими дружинниками, а в редкие моменты протрезвления уезжал на охоту. Мать же все время молилась. Правда, отец рано научил Гуго ездить верхом на лошади, а мать научила сына творить молитвы, но этим все родительское воспитание, в основном, и ограничилось. Всеми остальными знаниями и умениями, за исключением военных искусств, Гуго был обязан старому монаху Аквиору. И хотя ученый монах временами бывал, как казалось Гуго, излишне раздражителен, строг и требователен, ребенок за годы учения привязался к старику сильнее, чем к родному отцу.

Старик не был обычным монахом. О своем прошлом учитель говорил очень мало, но Гуго постепенно узнал, что этот сухощавый седой человек долго жил в одном ирландском бенедиктинском аббатстве, а затем покинул его, то ли отправившись в паломничество, то ли будучи изгнанным, то ли ударившись в бега, то ли просто в поиске приключений. Аквиор объездил множество стран и даже некоторое время провел в Святой Земле. И судьба распорядилась так, чтобы этот ученейший человек на обратном пути из своих странствий оказался именно в Пейне.

За пять лет обучения учитель поведал маленькому мальчику многое из своих знаний, накопленных за долгую жизнь. Два древних языка, латынь и греческий, преподавал ему старый монах. Еще он учил мальчика читать и понимать на слух арабский. И даже пытался познакомить с

таинственным алфавитом иудеев. «Ты должен освоить этот язык, потому что именно он и есть родной язык Спасителя нашего Иисуса Христа», — незадолго до смерти говорил Аквиор своему единственному ученику.

Но маленький Гуго оказался учеником не слишком усидчивым. Он был еще слишком мал и, хотя, будучи смиренным от природы, он и мог часами внимательно слушать лекции учителя, но, когда дело доходило до написания букв или до заучивания наизусть, он, как и большинство детей его возраста, начинал хныкать и отлынивать.

Но не только языки изучал Гуго с помощью своего учителя. Основы математики, географии, истории и даже философии ученый монах старался сделать доступными пониманию мальчика. Постепенно ребенок развивался и проявлял все более хорошие способности, и, если бы у учителя хватило времени их по-настоящему развить, возможно, из маленького ученика вырос человек редчайшей для своего времени учености. Но, когда Гуго исполнилось одиннадцать, старый монах вдруг сильно простудился холодной зимой и через неделю умер.

Таким образом, знания, полученные Гуго за пять лет обучения, остались во многом неполными. Он научился латыни, свободно писал и читал, но изъяснялся на ней довольно бедно, т.к. не был обучен искусству риторики. Он понимал греческий алфавит, кое-как читал, с трудом писал, но связно сказать мог лишь некоторые заученные фразы. Он различал арабский и еврейский языки на письме, но ни читать, ни изъясняться на этих языках не мог, хотя и запомнил с десятков арабских и пару еврейских слов. Но не успел всего рассказать учитель. Внезапная кончина монаха Аквиора поставила крест на образовании Гуго и явилась первым признаком скорого бесповоротного разрыва с детством. И действительно, не

прошло и полгода, как отец отправил сына на службу к своему сюзерену графу Шампанскому.

Пробыв какое-то время у могилы своего учителя, молодой хозяин Пейна, наконец, направился к старой часовне. В детстве Гуго часто приходил сюда. Его мать любила молиться здесь. А в церковные праздники монах Аквиор проводил службы в часовне. И тогда сюда собирались крестьяне из всех окрестных деревень, было шумно и весело.

Гуго помнил каждый камень, каждую трещинку древнего, потускневшего и выкрошившегося местами мрамора, каждую деталь облупившейся от времени мозаики, изображающей Деву Марию и волхвов, несущих дары младенцу Иисусу. Но больше всего Гуго любил тишину и уединенность этого места, возможно, потому, что, как ему казалось в детстве, часовня была такой же одинокой и грустной, как и он сам.

Гуго сейчас хотелось даже не столько помолиться Деве Марии и Господу Иисусу Христу, сколько просто снова, как в далеком детстве, постоять посреди тишины старинных стен, посмотреть на удивительную, чудесным образом сохранившуюся, мозаику и послушать, как поет ветер в узких прорезях окон под самым сводом. Вот сейчас он войдет внутрь и ничто не помешает ему опять, как когда-то, услышать знакомый звук...

Но в часовне уже кто-то был.

Глава 3. Неожиданная встреча

Посередине часовни стоял высокий мужчина в длинном монашеском одеянии с капюшоном из грубой серой шерсти. Человек повернулся на звук шагов, и новый хозяин Пейна сразу

узнал странника. Гуго встретил его лет пять назад в Испании, в высоких горах, через которые он пытался бежать, преследуемый мавританскими разбойниками после разгрома ими того самого торгового каравана, идущего из Арагона в Кастилию, в котором, волею случая, неопытный еще юноша, оказался одним из охранников.

Гуго вспомнил, как в тот страшный час, лишившийся всего, потерявший надежду на спасение и загнанный страхом смерти за границу вечных снегов, изнемогая от полученных в стычке ран, он уже не мог идти и замерзал насмерть в беснующейся пурге на ледяном перевале, и странный монах, появившийся словно из-под земли, спас его, проведя по тайной тропе к удивительному горному монастырю. Монастырь тот был весьма необычным, не похожим на все другие монастыри, какие де Пейн видел до этого. Гуго пробыл там достаточно долго, но того, что происходило с ним в стенах той обители, как, впрочем, и то, какому святому она была посвящена, Гуго не помнил. Он тогда впал в какое-то странное болезненное состояние, и сознание его помутилось. Должно быть, то были лихорадка и бред, вызванные потрясением от потери друзей, ранами и обморожением. Но добрые монахи выходили его, и в одно прекрасное утро он смог добраться до Хаки⁷, где был зачислен в отряд, идущий на войну с маврами...

Гуго хорошо запомнил только то, что сказал тогда странник, спасший его: «Для тех, кому предназначен путь горний, случайностей не бывает. На их дорогах все происходит к сроку. Не раньше и не позже. Помощь Божия никогда не опережает события, но никогда и не опаздывает». И вот сейчас этот странный монах снова стоял перед ним в тишине древней часовни.

За прошедшие несколько лет странник почти не изменился. Та же стройность фигуры, те же правильные черты

чуть смуглого, обветренного лица, не выдающего возраст: можно дать от сорока до шестидесяти. Все тот же серый плащ с капюшоном и того же мышинного цвета монашеская одежда под ним, та же небольшая дорожная сумка через плечо, тот же самый добротный деревянный посох в руке. Тот же небольшой серебряный крест на груди поверх рясы из грубой шерсти. И тот же алмазный отблеск затаенного огня в голубой глубине ясных глаз. Разве только в аккуратной бороде и в темных волосах монаха появилось чуть больше седины? Впрочем, Гуго и в этом не был уверен.

Казалось, что время над монахом не властно. Он весь был каким-то удивительно опрятным, подтянутым и ухоженным и этим совершенно не походил ни на других странствующих монахов, грязных и дурно пахнущих, ни на оборванного проповедника павликианина, совсем недавно встреченного Гуго де Пейном в Лангедоке. Не похож был пилигрим и на приходских священников, носящих тонзуру⁸ во весь череп, утративших радость жизни и с потускневшим взглядом. Осанка странника была гордой, глаза блестели, и всем своим видом, правильной речью и манерами этот «божий человек», стоящий сейчас перед молодым рыцарем, напоминал, скорее, некогда могущественного дворянина, удалившегося от мира, нежели простого монаха. Как бы там ни было, де Пейн никак не ожидал увидеть этого человека здесь, за тысячу миль⁹ от места их прошлой встречи.

— Приветствую вас, добрый рыцарь, — первым поздоровался монах и слегка поклонился.

— Приветствую и вас, добрый странствующий брат. К сожалению, не знаю вашего имени, но хорошо помню, как вы выручили меня в горах Испании. — Так же вежливо, с поклоном, поприветствовал пилигрима Гуго.

— Зовите меня братом Мори. Или просто Мори, если

угодно, — сказал странник.

— Какими путями оказались вы здесь, любезный брат Мори? — спросил де Пейн, не сумев сдержать своего любопытства.

— Вообще-то, я прибыл из Труа, чтобы встретиться с вами, шевалье¹⁰ Гуго де Пейн, — просто ответил брат Мори.

— А я думал, что вы живете где-то там, в Испании, — проговорил рыцарь.

— Я много путешествовую, — сказал пилигрим и улыбнулся.

— Но как вы узнали мое имя, ведь тогда, в горах, я, кажется, так заоченел, что даже не представился? — удивился Гуго.

— Вас хорошо знает один ваш тезка, Гуго де Блуа, граф Шампанский, который и послал меня в ваше поместье с небольшим поручением, — произнес монах.

— Как, вы знакомы с моим сюзереном!? Но я даже не успел заехать к нему! — удивился молодой рыцарь.

— И, тем не менее, граф уже осведомлен о вашем возвращении в родные края, ибо Господь посылает нам вести вовремя, — сказал брат Мори.

— Что ж, тогда по праву хозяина этого места приглашаю вас воспользоваться кровом и угощением замка Пейн. — Предложил Гуго первое, что подсказывало сердце, хотя ни хорошего крова, ни, тем более, вкусного угощения, у него на самом деле не было.

— Спасибо, буду рад, — произнес монах, которого не пришлось долго уговаривать.

За разрушенными стенами замка Пейн сгущалась вечерняя мгла. С ближних болот дул холодный ветер. Тучи, идущие с севера, напоздали на бледную убывающую луну.

Тусклый огонек в верхнем этаже башни едва ли был

заметен снизу. В довольно большой комнате с четырьмя узкими окнами-бойницами, около очага, в старых, грубо сработанных, дубовых креслах сидели двое. Справа, вытянув к огню ноги, расположился хозяин. Слева, напротив него, сидел гость — таинственный странствующий монах Мори в своем неизменном дорожном одеянии.

Гуго де Пейн время от времени протягивал руку к аккуратно сложенным поленьям, которые он сам нарубил днем из сучковатого наполовину сгоревшего длинного бревна-тарана, найденного в замковом дворе, и подбрасывал одно из них в огонь. Он только что рассказал монаху свой странный, повторяющийся сон о всадниках и двух скрещенных грядах облаков, надеясь, что брат Мори, может быть, подскажет, как толковать кресты на знаменах и крест в небесах.

В старом очаге пылал огонь, дым от которого уходил через отверстие в потолке. Багровые отсветы ложились на предметы, непонятными, зловещими тенями плясали на стенах. Монах Мори смотрел прямо в центр огня, широко раскрыв глаза и почти не мигая, как будто видел там, в сердце пламени, нечто, подсказывающее ему странные фразы. Гость говорил медленно, с паузами, как бы дожидаясь пока в глубине очага появится следующее предложение. Приятный густой голос монаха словно зачаровывал Гуго, так, что хотелось слушать не отрываясь и с нетерпением ожидать каждого нового слова:

— Мне многое понятно в твоём сне, добрый рыцарь, и я могу истолковать его. Во сне ты смотрел на небо, а небо означает благодать Божью. Облака на небе являют препятствия на пути твоём к Благодати, а знак креста, в который во сне твоём облака сложились, кроме всего прочего, обозначает перекресток Путей. И ты сейчас стоишь перед таким перекрестком, ибо вскоре предстоит тебе сделать важный выбор и выбрать направление пути твоего. Во сне тебе была

приоткрыта дверь в будущее, и в этом сне ты видел картину из предстоящего тебе на пути твоём. Ты избран для великого и угодного Богу дела. Ты один из тех, кому выпала честь зажечь свет истины во тьме и нести его к цели Возрождения Знаний. Ты сильный, но станешь неизмеримо сильнее. Путь светлого рыцаря лежит перед тобой. И этим путем тебе предстоит идти в земной жизни. Готовься. Впереди ждут тебя великие труды и страшные битвы. Перемены близятся. Скоро соберется огромное войско под знаком креста и уйдет на Восток, в Святую Землю. Реки крови прольются. И ты, сын мой, будешь там.

— Но для чего нужно проливать реки крови? Для чего и какие знания нужно возрождать? С кем биться? С неверными? Но это только для нас они неверные, а для них неверные, напротив, мы, христиане. Я путешествовал и воевал. Пять лет назад, в 1089-м, в Барселоне, по призыву папы¹¹ я принял крест и в Испании сражался против мавров в королевском отряде Санчо Рамиреса, но война есть война, и она жестока с любой стороны. А до этого, совсем еще юношей, благодаря покровительству и рекомендации графа Тибо Шампанского, я охранял торговые караваны, идущие из Шампани на Юг, до самых мавританских владений. Я был юн и жаждал приключений. Я учился жить у купцов и у воинов, у людей бесстрашных, умудренных большим опытом и готовых на все ради торговли. Готовых даже вести дела с магометанами ради выгоды. И, несмотря на то, что наш караван на пути в Кастилию все же разгромили разбойники, и я тогда чуть не погиб в незнакомых горах, где спасся только чудом, благодаря вашей помощи, добрейший брат Мори, я говорю «спасибо» судьбе, потому что с теми караванами я повидал места вовсе неведомые франкам. Я научился говорить на иберийском языке. На базарах в Валенсии, в Кордове, в Гранаде и в Толедо я мирно беседовал и с маврами, и с арабами, и с турками, и с персами,

и с последователями пророка Мухамеда, и с приверженцами учения Зороастра и даже с манихеями. И я убедился, брат Мори, что все они такие же люди и имеют право на выбор своих путей, пусть даже они и не верят, как мы, в божественность Иисуса Христа, — сказал рыцарь.

— Да, ты молод, но видел и слышал уже немало, хотя и понял пока немного. Поэтому сначала ты должен усвоить, что мир разделен надвое, и научиться различать, что есть Свет, и что есть Тьма, что есть Добро, и что есть Зло. И только поняв причины, ты сможешь сделать сознательный выбор, сможешь решить, хочешь ли ты противостоять злу открыто и тайно? Хочешь ли ты выйти из под власти привычного и познать мир таким, каким он является на самом деле? Решишься ли ты отбросить внешнее во имя Истины? — загадочно произнес монах.

— О чем это вы? — недоуменно спросил де Пейн.

— О твоём выборе. О выборе между Богом и Сатаной. Сделал ли ты его, человеке? Отверг ли ты Сатану? — Задавая вопрос, Мори пристально взглянул на собеседника, и в глазах монаха Гуго увидел странный огненный блеск.

— Разумеется. Мне не нравится Сатана, — ответил рыцарь.

— И только поэтому ты отвергаешь его? А вдруг, ты ошибаешься? Ведь говорят, что Сатана — это падший ангел. Причем, ангел прекраснейший и сильнейший. — Говоря это, Мори казался явно заинтересованным темой. «И к чему он задает такие вопросы, если ответ на них ясен для любого христианина?» — подумал Гуго, и ответил:

— Пусть говорят что угодно, но раз Господь отверг его, то и я отвергаю.

— Что ж, в таком случае, твой выбор зиждется на авторитете Господнем, но не на понимании, — сказал брат

Мори.

«Какой странный этот монах!» — подумал рыцарь и произнес:

— Но вера и не требует понимания. Главное — верить. Разве не так говорят отцы церкви?

— А имеют ли они право говорить так? — После этой фразы монаха Гуго опешил. Несколько долгих мгновений он не знал, что и ответить, потом вымолвил:

— Вы монах, брат Мори, у вас на груди поверх одежды висит крест¹², а значит, вам и виднее. Вы гораздо ближе к церкви, чем я. Я же мирянин, простой рыцарь и мало что смыслю в церковных делах.

— И неужели ты никогда не задумывался об основах этого мира? — спросил пилигрим.

— Об основах? — переспросил Гуго.

— Да, да, об основах. О началах и причинах сущего, о цели каждой человеческой жизни и о пути развития всего человечества, о добре и зле, о Боге и Сатане? — продолжал задавать теологические вопросы монах.

— Я полагаю, что об этом все написано в «Священном Писании», — ответил Гуго.

— И что же ты понял из него? Для чего живет на земле человек? Что такое добро и зло? Кто такие Бог и Сатана? — Не унимался брат Мори.

— Ну, человек живет, чтобы плодиться и размножаться. Добро — это христианство, а зло — язычество. Дьявол есть павший ангел, а Господь Бог наш — Иисус Христос, — наконец промямлил де Пейн.

После этих слов молодого рыцаря монах улыбнулся и проговорил:

— Что ж. Ты ответил так, как ответит, наверное, любой обычный христианин, непосвященный в тайны устройства

мира.

— О каких тайнах вы говорите, брат Мори? — задал вопрос рыцарь.

— Я говорю о тех величайших тайнах, что сокрыты в седой глубине времени, о тайнах, что спрятаны за словами Священного Писания, я говорю о вещах, давно забытых людьми и недоступных, к сожалению, давно уже, пониманию большинства. И причин тому много, — страстно произнес монах, и в глазах его вновь сверкнули огненные искры.

— Позвольте же узнать, что это за тайны, — заинтересованно проговорил Гуго и придвинулся ближе к монаху, словно опасаясь, что их могут подслушать.

— Всею свое время, друг мой. Может быть, когда-нибудь я расскажу тебе, как зародился этот мир, как произошло Разделение Сил, как впервые случилась Великая Битва, как в огне минувших эпох бился Свет с Тьмою, как наступали полчища ужаса, как падали ангелы, как погибали в страшных муках величайшие воители прошлого, как уходили в пучину океанов Благословенные Земли, — тихо сказал брат Мори.

— Но откуда вам известно все это? — спросил рыцарь.

— Из истории, — ответил пилигрим.

— Но меня тоже учил истории один пожилой отшельник, и он говорил, что история началась с правителей Вавилонских и с фараонов Египта, а до этого у людей не было ни знаний, ни государств, — сказал де Пейн.

— И твой учитель был прав. История нынешнего человечества начиналась именно так. Но это не первое человечество на Земле. До него были и другие, — произнес странник.

— Как же так? — удивленно проговорил молодой рыцарь.

— С тех пор, когда на Земле в первый раз появились люди, мир изменялся в результате противостояния сил Света

и Тьмы уже не однажды, и тьма, к сожалению, победила в последней Великой Битве. И именно потому сейчас мы все живем в мире, управляемом силами зла. А великое и светлое прошлое забыто, ибо память о светлом мире тьма вытравляла тысячелетиями. И лишь единицы передавали из поколения в поколение память о прошлом и пронесли крупницы светлого знания через века. И я один из тех, кто еще кое-что помнит и знает. Возможно даже, когда-нибудь я расскажу тебе все, что знаю сам о тех далеких событиях, но сейчас время это еще не пришло. Лучше поговорим о тебе, — сказал брат Мори.

— Да, что уж обо мне говорить! Я только что вернулся с войны, родители мои мертвы, а замок разорен. И я даже не представляю, что делать дальше! — воскликнул Гуго.

— Вот об этом я и хочу сказать тебе. Ибо дано мне провидеть, что путь Рыцаря Света лежит перед тобой. Но путь этот тернист и опасен. Ибо зло повсюду. Глаза и уши властелина тьмы смотрят и слушают из мрака ночного, из коры деревьев, из старых стен, сквозь тела недобрых тварей и злых людей. Смотрят и слушают отовсюду, где есть почва для темных ростков. Ведь все сущее в нашем мире несет в себе как Свет, так и Тьму, как добро, так и зло, как Господа, так и Сатану. И там, где того или иного больше, создается определенная почва, определенная атмосфера, светлая или темная. И каждый человек в своей жизни обязательно делает внутри самого себя выбор между Богом и Сатаной, — произнес монах.

— Значит, и дьявола можно выбрать? — спросил рыцарь.

— И многие, к сожалению, выбирают. Чаще неосознанно. Посмотри на тех, кто убивает невинных, вероломствует, обирает себе подобных, развратничает и богохульствует, издевается над слабостью и глумится над бедностью. Эти люди не дают себе отчета в своих деяниях, они не ведают, что творят, тьма застилает им глаза. Они думают, что выбрали свет и закон, а,

на самом деле, ими, как марионетками, напрямую руководит князь тьмы, и хаос разрушения является для них законом. И идут такие люди прямо во врата ада. Душам их уже не спастись, — уверенно проговорил брат Мори.

— Но даже самым закоренелым грешникам церковь отпускает грехи, — напомнил Гуго.

— Церковь отпускает грехи на земле. Но отпущены ли они на небе? Ты можешь это проверить? — страстно произнес монах.

— Но Христос прощал даже тех, кто распинал его, — сказал де Пейн.

— Потому что те, кто делал это, лишь выполняли чужую волю. Но простил ли он Каифу, простил ли Иуду? Можно простить многих, но не всех. Те, в душе коих не осталось света и доброты, не могут быть прощены, и с таковыми нужно сражаться во Имя Божие. — Так говорил странствующий монах Мори. И все, что он говорил, навсегда запечатлевалось в памяти Гуго. Они беседовали долго. Речь пилигрима была пропитана глубоким знанием Святого Писания и философии отцов церкви, но были в ней и моменты, сильно напоминающие учения зороастрийцев, манихеев и катаров о добре и зле, хотя в его устах все это звучало совсем по-другому и гораздо более убедительно.

И в ту ночь молодой де Пейн впервые за долгое время спал спокойно. Он понял, что каким-то необъяснимым образом монах знает о его, Гуго де Пейна, тайных размышлениях и душевных исканиях, но Гуго не удивлялся и не боялся этого. Он чувствовал, и почему-то даже был уверен, что загадочному пилигриму можно полностью доверять. Более того, с появлением монаха, Гуго не покидало странное чувство, что он находится под защитой, и пока брат Мори рядом, не может произойти ничего плохого.

Глава 4. Друзья

...Рыцарь взглянул на дорогу. По ней быстро приближался к Пейну довольно большой конный отряд.

Четыре десятка всадников на свежих ухоженных лошадях были хорошо вооружены, их кольчуги сверкали недавно начищенной сталью. На раздвоенных флажках, которые развевались над кавалеристами на концах поднятых копий, четко выделялся герб Шампани: косая лазурная полоса на синем фоне. Вне всяких сомнений, это были ратники сеньора всех окрестных земель графа Шампанского из могущественной династии Блуа.

— Рад встрече, аббат! Не ожидал увидеть вас здесь! — узнав монаха, воскликнул командир отряда, улыбаясь брату Мори, как старому доброму знакомому. Они вдвоем отошли в сторону, за угол кузни, и некоторое время о чем-то говорили там с глазу на глаз. Затем Мори подошел к молодому хозяину Пейна и сказал:

— Любезный Гуго, мне придется покинуть тебя. Срочные дела торопят в дорогу.

— Простите меня, ваше высокопреосвященство, я и не подозревал, что вы аббат и обращался с вами как с простым монахом, — сказал смущенный де Пейн.

— Нет причин оправдываться, сын мой. Я доволен твоим гостеприимством, славный рыцарь, и, надеюсь, что скоро наши пути вновь пересекутся. Ибо ты найдешь меня в Труа, при дворе графа Шампанского. А сейчас тебе необходимо позаботиться об этих бедных людях. — Движением руки аббат Мори указал на уже собравшихся вокруг немногочисленных жителей деревни.

...Подъемный мост через ров был опущен, ворота открыты, но у дозорной башенки барбакана¹³ перед самым мостом стояли не улыбчивые стражи.

Толстый сержант алебардой преградил дорогу пегой лошади Гуго.

— Кто таков? Куда едешь? — рявкнул он.

Когда де Пейн назвал себя и цель своего приезда, сержант сразу же пропустил его, убрав алебарду и даже учтиво поклонившись. Во дворе замка Гуго слез с лошади и сдал ее на конюшню, попросив одного из стражников доложить капитану о его приезде. В ожидании друга детства, де Пейн осматривал замковый двор. Когда-то в юности, будучи оруженосцем старого графа Тибо, он постоянно бывал здесь, но с тех пор в замке многое изменилось. Конюшню расширили, к казарме пристроили второй этаж, стену над воротами увеличили в высоту на целый человеческий рост, а над смотровыми площадками башен появились островерхие шатровые навесы из сшитых вместе кож для защиты несущих службу людей от непогоды.

Во дворе замка царило заметное оживление. Гуго даже удивился тому, что в относительно спокойное для Шампани время, объявленное церковью «миром Божиим¹⁴», здесь, накануне Пасхи, явно готовились к какому-то военному предприятию. Грохоча тяжелыми молотами и изрыгая дым, в разных углах двора работали три кузни, из которых прислуга то и дело выносила исправленное или вновь изготовленное оружие. Конюшня была заполнена почти полностью, и около дюжины конюших чистили лошадей и задавали им корм. В дальнем конце двора с десятков лучников упражнялись в стрельбе, подвесив на стену, в качестве мишени, большой деревянный щит красного цвета.

Постояв еще пару минут в замковом дворе, он увидел, наконец, де Монбара, спускающегося со стены. Когда капитану стражи доложили о приезде друга детства, он как раз проверял посты и потому появился не сразу.

По внешней лестнице Андре де Монбар спускался во двор, и у Гуго была возможность хорошо рассмотреть своего друга детства. Андре здорово изменился и возмужал, что не удивительно: больше семи лет прошло со дня их прощания в день, когда де Пейн навсегда, как ему казалось тогда, покидал родную Шампань, отправляясь в интересное, но очень опасное путешествие на юг, в загадочную Испанию. И теперь, в новеньком синем плаще из тонкого сукна, наброшенном поверх блестящей короткой кольчуги дорогой итальянской работы и скрепленном золотой фибулой¹⁵ на груди, в черных обтягивающих штанах из телячьей кожи, заправленных в мягкие сапоги-шоссы¹⁶, и с длинным мечом в обшитых синим бархатом ножнах на боку, де Монбар выглядел очень внушительно. Этот бравый боевой командир сейчас мало чем напоминал прежнего нескладного русоволосого юношу, которого помнил Гуго.

После медвежьих объятий и похлопывания друг друга по плечам, рыцари поднялись на стену и по верху ее, по дозорному пути, прошли в самую большую башню, где на третьем из четырех уровней находилось помещение начальника городской стражи.

— Присаживайся, дружище! — Предлагая де Пейну сесть, Андре подвинул к столу перед камином тяжелое дубовое кресло с высокой спинкой, а сам уселся напротив в точно такое же.

— Гот, две кружки сюда, кувшин красного вина и угощение! — крикнул капитан кому-то в темную глубину башни. Тотчас откуда-то снизу послышались быстрые шаги, скрип открываемой двери и еще какая-то возня — кто-то со

всех ног бросился исполнять приказание. Через короткое время, благодаря стараниям оруженосца Андре де Монбара, широкоплечего светловолосого парня по имени Гот, на столе появились головка сыра, тушеная капуста в большой миске, теплый хлеб, вяленая рыба и большой глиняный кувшин с вином.

— Наш стол, как видишь, не богат. Но, сам знаешь, сейчас Великий Пост, — немного смущенно произнес де Монбар.

— С каких это пор здешние дружинники сделались такими набожными? — спросил Гуго.

— На самом деле, Пост здесь даже и не при чем. Просто теперь это обычная трапеза шампанского воина. Народ во многих деревнях и вовсе голодает. Так что прости меня, дружище, что в вверенном мне замке даже не могу как следует тебя угостить, — сказал Андре, разливая вино в глиняные чарки, и начал рассказывать, как нелегко пришлось родному краю в эти последние распроклятые «тощие годы».

Затем Андре де Монбар попросил Гуго рассказать о странствиях. Капитан внимательно слушал друга детства. Больше часа Гуго де Пейн кратко описывал нравы испанцев, путешествия с купцами вглубь мусульманских земель, красоты Альгамбры и Кордовы, трудности войны против испанских мавров и свою службу в Арагоне. Закончив рассказ, де Пейн, в свою очередь, не удержался от любопытства и все же спросил, как Андре удалось так быстро дослужиться до должности капитана городской стражи.

— Ничего особенного, — ответил де Монбар, — просто в чуму прежний капитан умер, и граф Гуго Шампанский вместе со своим коннетаблем¹⁷ Жозе де Баром и с сенешалем¹⁸ Атольдом де Шаторенаром долго не могли решить, кого же назначить, пока аббат Мори не порекомендовал назначить меня.

— Почему же именно тебя? Наверное, ты уж чем-то да отличился, — спросил Гуго.

— Да не особо. Ну, участвовал в четырех военных походах, победил в двух небольших турнирах, но и другие парни сложа руки не сидели. Помнишь, Франсуа де Пелье? Он был таким же, как я или ты оруженосцем старого графа Тибо. Так вот, он сейчас при дворе в Париже. Служит маршалом у графа Гуго де Вермандуа, родного брата самого короля Филиппа! Просто, наверное, у нас была хорошая школа, — произнес Андре.

Да, жаль, что старый граф Тибо умер, — проговорил Гуго.

Жаль, конечно, достойнейший был старик, — согласился Андре и добавил:

— А знаешь, он ведь очень справедливо разделил свои земли между сыновьями. Никого из них не обделил даже после смерти, как обычно это делают владетельные отцы, оставляя все только старшему сыну. А Тибо оставил старшему, Стефану, графство Блуа, Гуго — Шартр, а Эду — Шампань. Самому младшему, Филиппу, досталось баронство Шалон.

— Так почему же сейчас Гуго правит Шампанью? Куда же подевался Эд? — поинтересовался де Пейн.

— Эда унесла чахотка через год, как он принял графство. Согласно завещанию Тибо, в случае смерти Эда, Гуго должен был унаследовать Шампань, а Стефану де Блуа — отойти Шартр. Как видишь, мудрый родитель предусмотрел очень многое, поскольку знал, что Эд всегда был болезненным ребенком. Но Стефан не был бы Стефаном, если бы не попытался оспорить завещание. И он, конечно, после смерти Эда все же пытался, опираясь на свое старшинство, прибрать к рукам и Шампань, но тут молодой Гугон неожиданно проявил твердость и не отдал. И не думаю, что лишь из-за того, что доходы Шампани больше. Мне кажется, причина в том, что

Гуго Блуа единственный из детей, кто был по-настоящему привязан к отцу, а здесь, в Труа, очень многое до сих пор напоминает о старике, — сказал де Монбар.

— И все равно, без Тибо прежней Шампани нет больше, — тихо проговорил де Пейн. Друзья помолчали и осушили по чарке вина за упокой души славного графа.

— Может, все-таки расскажешь, почему аббат указал графу на тебя? — после следующего госта продолжил Гуго свои расспросы.

— А вот именно так просто и указал. Я служил в замке начальником стражи ворот. Помнится, в тот день я проверял вооружение своих солдат. Ну, все как обычно — построил их во дворе, кому-то из-за нечищенной кольчуги разнос учинил, а тут вдруг вышли граф Шампанский с аббатом. Остановились чуть поодаль, и я видел, как Мори что-то сказал нашему Гугону и указал в мою сторону. На следующий день граф вызвал меня к себе и в присутствии коннетабля и сенешаля пожаловал должность капитана городской стражи. Вот и вся история, — сказал Андре.

— А что, аббат Мори имеет такое большое влияние на нового графа Шампанского? — продолжал спрашивать де Пейн.

— Огромное влияние. Во-первых, наш граф еще слишком молод: ребенком его, конечно, уже не назовешь, но он часто ведет себя как ребенок и нуждается в наставниках и советчиках. Во-вторых, в отличие от своего достойного родителя, Гуго де Блуа человек, хотя, наверное, и не менее умный, но слишком уж нерешительный и, порой, суетливый в делах. Во всяком случае, граф перестал принимать скоропалительные решения и сильно переменялся с тех пор, как Мори появился при его дворе, — поведал другу де Монбар.

— И давно аббат прибыл в Труа? — спросил Гуго де Пейн.

— Скоро год, — сказал Андре.

— Это не слишком большой срок. Почему же слова этого человека весят так много? — задал очередной вопрос Гуго.

— Вообще-то, между нами, наш нынешний граф слишком еще молод для управления Шампанью, он неопытен, и, наверное, поэтому подвержен влиянию других людей. Особенно тех из них, кого он считает гораздо умнее себя. А уж аббат для него просто воплощение мудрости. Аббат Мори прибыл в Европу из Святой Земли. Про него говорят, что сам великий папа Григорий-седьмой был его другом, и что он также близок и к нынешнему папе римскому Урбану, и, более того, поговаривают, что папа ему сильно обязан. Я слышал, что это именно Мори остановил войну между императором Священной империи Генрихом и святым престолом, — доверительно сообщил де Монбар.

— Каким же образом? — спросил де Пейн.

— Ходят слухи, что этот аббат каким-то чудом обратил в истинную веру закоренелого богохульника и гонителя церковников Готфрида, герцога Нижней Лотарингии, который опустошил Рим огнем и мечом, убил во имя императора его главного противника Рудольфа, «короля патеров», и выгнал папу из священного города, заслужив этим от Генриха бесконечные похвалы. Так вот, как я слышал, аббат Мори заставил этого кровавого Готфрида каяться и замаливать грехи! И, если бы не это, воинственный герцог мог бы уже давно стереть папу в порошок. А, лишившись такого мощного союзника, как герцог Нижней Лотарингии, император Генрих притих и пошел на попятную, и война на несколько лет прекратилась, — продолжил свой рассказ Андре де Монбар.

— Надо же, вот так аббат! — изумился Гуго.

— Ты не видел лагерь блуасцев у Северных ворот? —

спросил Андре.

— Нет, я еще в город не въезжал, а направился с Восточной дороги прямо к тебе. А что там за блуасцы? — спросил де Пейн.

— Там охрана и прислуга графа Блуа лагерь разбили. Ведь приехал старший брат нашего графа Стефан. Говорят, он всегда оставляет свой дворец в Блуа и едет к брату, когда в очередной раз поссорится с женой, — сказал Андре.

— Бедняга, видно, жена у него строгая. И часто она его прогоняет? — произнес Гуго.

— Раза два за год, это точно. Но он вовсе не бедняга. В Труа он хорошо развлекается. Здесь живет его любовница, вдовствующая баронесса Алисия де Шоне, недавно Стефан построил ей новый манор¹⁹ на другом берегу реки, чтобы было, где уединяться. К тому же, граф Блуа старается контролировать дела своего младшего брата, то есть нашего графа Гугона. В этот раз Стефан прибыл не один. С ним вместе в Труа пожаловали архиепископ Шартрский и посол графа Фландрии, — пояснил де Монбар.

— У вас тут, я смотрю, на эту Пасху намечается особенно пышное празднование, — сказал Гуго.

— Да нет, вроде. Просто будет рыцарский турнир, в котором, кстати, можешь поучаствовать и ты, если захочешь, — предложил Андре.

... Оруженосец де Монбара провел Гуго к большому, недавно построенному, длинному каменному двухэтажному зданию, расположенному на площади, рядом с городским собором. Оказалось, что здание это представляет собой гостиницу. В просторном помещении первого этажа, которое служило одновременно и харчевней и гостиничным холлом, собралось множество самых разных людей. Здесь были и

бenedиктинские монахи в черных рясах, и странствующие проповедники в серых плащах из грубой шерсти, и купцы в дорогих разноцветных одеждах со своей прислугой, и даже опоясанные рыцари с оруженосцами из разных европейских стран. Весь этот пестрый народ собрался вокруг большого обеденного стола, забравшись на который, какой-то человек духовного звания, с крестом поверх одежды, что-то с пылом опытного оратора вещал этой разнородной толпе. Подойдя ближе, Гуго с удивлением обнаружил, что это аббат Мори. Повидимому, он уже заканчивал свою проповедь:

—...Да, я еще раз говорю и утверждаю, что нам нужно сейчас привлекать всех, кому не безразлична судьба церкви Христовой. И мы поддержим папу в его стремлении избавиться от продажных епископов, от симонии и от разврата внутри церковного организма. И все те, которые призывают церковь к очищению, к возвращению к истокам христианства и к возрождению, есть наши соратники, и вы обязаны признать их, независимо от того, как они называются, и протянуть им руку! Ибо говорил Иисус: «по плодам их судите»! И да будет так, братья! — Аббат проворно слез со стола и сквозь толпу, не обращая внимания на задаваемые ему вопросы слушателей, направился прямо к де Пейну. Посреди удивленной толпы они поздоровались.

Мори взял рыцаря за локоть и повел его к выходу прямо сквозь ряды своих недавних слушателей, с любопытством взирающих на де Пейна, но почтительно расступающихся перед аббатом, а какой-то седой человек в серой рясе уже занял его ораторское место на столе.

Оказавшись снаружи, священник и мирянин направились в сторону, противоположную от гостиницы. Там, на другом краю городской площади, заполненной народом в этот ясный весенний день, находился дворец графа Шампанского,

представляющий собой массивное четырехугольное здание с остроконечной, покрытой свинцовыми пластинами, крышей и узкими окнами, очень похожими на обычные крепостные бойницы. Сходство с крепостью усиливала и высокая четырехгранная башня донжона посередине и мощная каменная ограда вокруг уютного сада. Обнесенный широким рвом с водой, соединенным с рекой, и, поэтому, расположенный как бы на островке, этот дворец был надежно отделен от остального города и более всего походил на крепость в крепости, чем, в сущности, он и являлся.

Да, старый граф Тибо Шампанский был славным человеком. Как жаль, что он умер! Теперь владения графа были поделены между его сыновьями, и в Труа уже два года правил молодой человек, тезка де Пейна, Гуго де Блуа. Де Пейн мало общался с этим человеком. Гуго де Блуа воспитывался матерью в родовом замке графского дома и за время службы де Пейна в Труа появлялся в столице Шампани всего пару раз, будучи в совсем еще детском возрасте. Но, в то же время, де Пейн знал из дворцовых сплетен, что это единственный из четырех сыновей старого графа, — один из которых, Эд, через год после кончины отца отправился за ним следом, — кто разделял взгляды своего отца. И вот, этот малознакомый молодой человек, совсем еще юноша, почему-то покровительствует ему, шлет золото и приглашает в свой дворец на аудиенцию. Что бы все это могло означать?

Словно в ответ на эти мысли молодого шевалье, один из великолепно вышколенных и красиво одетых пажей графа, мальчик лет двенадцати, приблизился к нему и спросил:

— Мессир²⁰ Гуго де Пейн, не так ли?

И, когда тот ответил утвердительно, паж сообщил ему, что граф вскоре примет его в своей библиотеке.

До назначенной встречи с графом оставалось еще немного времени, и Гуго решил пока побродить по дворцовому саду. Весна только начинала набирать силу, и, хотя первая зелень уже показалась в траве и на деревьях, но весь сад выглядел еще совсем голым, садовые дорожки размокли, и здесь в это время года никто пока не гулял. Но Гуго все это не смущало. Ему, погруженному в воспоминания, сад казался чудесным, ведь таким он помнил его. Он помнил, как этот сад был красив летом, когда сумерки уже наступали, и на небе появлялись первые звезды. Он помнил, как во времена графа Тибо результаты труда и заботы умелых садовников чувствовались здесь на каждом листике. Но не только очарование аккуратно подстриженных газонов, цветов на клумбах и тенистых деревьев влекло его тогда в этот сад. Тогда, в далекой юности, его манили в сад такие сладкие и, вместе с тем, такие грустные грезы первой любви. Какое несчастье, что Кристина де Селери умерла! Ах, как же им было хорошо вдвоем в этом саду той далекой весной! Вокруг все цвело. Кристина улыбалась, легкий ветерок колыхал ее локоны, и от этого волосы девушки переливались на солнце волшебным золотым блеском, а в прекрасных ее глазах, обрамленных длинными ресницами, отражалась синева ясного неба. Такой он ее и запомнил... Ему было тогда семнадцать, и он готовился стать рыцарем, а она была на год младше, восхитительно пела и играла на арфе. Они целовались возле кустов шиповника и обещали друг другу никогда не расставаться...

В резиденции графа Шампанского в Труа Кристина гостила вместе со своим отцом, рыцарем Ангераном де Селери, трубадуром из Лангедока, героические баллады которого о славных ушедших временах обожал слушать старый Тибо де Блуа. Трубадур пел, а его прекрасная дочь играла на арфе и иногда подпевала. И вот, ни графа Тибо, ни талантливого

трубадура, ни его милой дочери уже давно нет в живых. Кристина погибла страшной смертью при осаде замка ее отца, погибла в огне пожара, в котором погибли все, кто оставался в том деревянном маленьком замке, и он, Гуго де Пейн, даже не знает, где находится могила девушки, и существует ли таковая! Даже братской могилы не нашел он на месте пепелища...

Да, воспоминания причиняют боль, но эти печальные воспоминания, причиняющие острую душевную боль, — все, что у него осталось от любви. Боже! Мир так жесток и несправедлив! Его невеселые размышления прервал звонкий голос маленького пажа, приглашающий мессира Гуго де Пейна проследовать за ним. Пора было идти к графу.

Глава 7. Правитель Шампани

...Войдя, по старинному рыцарскому обычаю, Гуго сперва поклонился юному графу, затем опустился перед сюзереном на одно колено, вложил свои руки между ладоней графа и поцеловал крупный золотой перстень с печатью на правой его руке — фамильный символ власти дома Блуа. Таким образом, Гуго де Пейн совершил оммаж — вассальную присягу на верность новому сюзерену. Любимая собака графа, большой старый мастиф по кличке Самсон, при этом зарычал, и, чтобы пес замолчал, графу пришлось прикрикнуть на него.

Графу Гуго де Блуа недавно исполнилось семнадцать лет. Но, несмотря на столь незначительный возраст, он уже больше года правил Шампанью. И хотя это правление происходило, по большей части, под присмотром старшего брата Стефана, юный граф Шампанский чувствовал себя настоящим властителем, он уже был посвящен в рыцари и с гордостью носил шпоры и золоченный пояс, на котором в синих бархатных

ножнах висел любимый меч его отца, славный старинный клинок, побывавший во многих сражениях.

Несмотря на свою юность, граф вовсе не был красив. Вечно взъерошенные прямые и жесткие черные волосы, небольшие карие глаза под густыми бровями, длинный горбатый фамильный нос. Из одежды — темно-синий бархатный камзол без каких-либо украшений, кроме золотой вышивки на рукавах, коричневые рейтузы, черные шоссы. В отличие от могучего, с хорошо развитой грудной клеткой и бычьей шеей отца, который даже в старости излучал почти физически ощутимую мощь, угловатая фигура нового графа своей худобой производила впечатление болезненности и немощности, которое еще усиливалось высоким ростом и тем, что граф сутулился и постоянно покашливал. А выступающий вперед подбородок, маленький рот и поджатые тонкие губы придавали его лицу весьма неуверенный вид. В отличие от многих своих ровесников, граф был довольно смирного нрава, не по годам умен и весьма неплохо образован, хотя в душе он все еще оставался обычным мальчишкой, жаждущим приключений. Он обожал собак, любил соколиную охоту и военные упражнения. И конечно, он изо всех сил хотел казаться старше, чем был.

— Покорнейше благодарю, монсеньер, за оказанную мне честь и помощь, но, признаться, не понимаю, чем обязан такой милости со стороны вашей светлости? — сказал Гуго де Пейн юному графу.

— Давайте присядем, шевалье, — вместо ответа предложил граф. Говорил он тихо, но голос его был высоким и с хрипотцой.

Когда они уселись в большие резные кресла из черного дерева напротив камина, между которыми был сервирован местными нехитрыми сладостями и вином все тот же

маленький, резной, старой византийской работы столик, так напоминающий де Пейну прежние времена старика Тибо, граф Гуго Шампанский начал с расспросов:

— И как же вы оказались при дворе короля Арагона? Ведь, право, после получения известий о разгроме нашего торгового каравана, все считали вас погибшим. Один из солдат рассказал много позже, будучи выкупленным из мавританского плена, что вы проявили героизм в сражении с обезумевшей толпой разбойников, храбро защищая караван до последнего, и пали, не отступив и не сдавшись, как и подобает христианскому рыцарю. И вот, через два с половиной года до нас доходят известия, что вы живы и, более того, славно воюете в Арагоне против мавров. Каким же чудом нужно объяснять ваше спасение?

— Никакого чуда и не случилось. Скорее всего, тот солдат несколько приукрасил события. Никакого особого героизма с моей стороны, поверьте, не было. Просто я выполнял свой долг, вместе с моими товарищами пытаюсь защитить караван от бандитов. Несмотря на все наши усилия, караван не удалось спасти. Ценности были захвачены, а люди почти все вырезаны. Я же сражался, пока была возможность, пока не увидел, что все мои товарищи по оружию погибли, и я остался один. Тогда я поступил не лучшим образом, но я был зеленым юнцом и хотел жить, и потому я под напором врагов бежал с поля боя. Они преследовали меня, но непогода помогла мне скрыться в вечных снегах Гваддарамы²¹. Один добрейший монах, милостью Господней, спас меня и выходил, — поведал графу де Пейн.

— И как же звали того монаха? — спросил граф.

— Его звали Мори, монсеньер. Он же помог мне добраться до Арагона и снова вернуться в строй. Не имея средств, мне пришлось сперва наняться добровольцем,

простым солдатом, на войну с маврами. И только спустя некоторое время, когда я смог завоевать в тяжелых боях на границе кое-какие трофеи и восстановить свое рыцарское достоинство, я поступил на службу в гвардию короля Арагона, — сказал Гуго де Пейн.

— Представьте, аббат Мори говорил мне о вас, но я не знал об этой истории с вашим спасением. Теперь мне ясно, почему мой капеллан составил вам протекцию и, каким-то образом, узнав о вашем возвращении домой раньше всех, попросил меня обратить внимание на вашу особу. Но почему же вы покинули Испанию, шевалье? — задал вопрос граф.

— Я получил сведения, что родители мои умерли, и замок Пейн пустует, — ответил де Пейн.

— Кто передал вам весть о кончине родителей? — спросил граф.

— Я узнал об этом от молодого рыцаря из Бар-Сюр-Сен, прибывшего в прошлом году в Арагон добровольцем на войну с маврами. Его звали Альберт де Бар. Он погиб этой зимой в стычке на берегу реки Тахо возле Толедо. Мавританская стрела попала ему в правый глаз, — тихо сказал де Пейн.

— Досадно. Слишком много добрых христиан гибнет. Я знал этого рыцаря, — промолвил граф, опустив глаза.

— Война жестока, монсеньер, — попытался утешить юного графа де Пейн.

В комнате на минуту повисло молчание. Затем граф Шампанский дрогнувшим от волнения голосом произнес:

— Я знаю об этом. Я не был еще на войне, но я знаю. Отец готовил меня к войне. Пусть мое детство и прошло в замке матушки, но отец всегда значил для меня много больше, чем мать. Знаете ли вы, что последние полтора года жизни отца я неотлучно провел подле него, и он умер у меня на руках? Мы постоянно общались, и он научил меня многому. И знаете, отец

всегда советовал мне брать на службу людей проверенных в деле, надежных и преданных. И я пытаюсь следовать советам отца. Ваши предки честно служили дому Блуа, а вы сами были в курсе дел моего отца, не так ли? К тому же, вы хорошо зарекомендовали себя на службе. И, что тоже немаловажно, у вас имеется боевой опыт, полученный в отряде личной гвардии арагонского короля на войне с неверными. Поэтому у меня есть все основания доверять вам. Итак, сударь, я хотел бы спросить вас. Готовы ли вы поступить ко мне на службу?

— Да, монсеньер, с радостью, но, как ваш верный вассал, я ведь и так уже служу вам. Что же касается моей службы вашему батюшке, графу Тибо, светлая ему память, то я лишь помогал ему писать и читать, ибо зрение подводило его. Но я тогда был почти что ребенком и о его делах имел весьма смутное представление. Что же касается моей службы в Испании, то мой боевой опыт не столь уж велик. Поэтому я не могу считать себя очень уж опытным воителем, — немного смущенно промолвил де Пейн.

— Что ж, отец всегда говорил, что скромность украшает рыцаря. И все же, надеюсь, шевалье, ваших способностей хватит с избытком. Мне нужен надежный человек для особых поручений. Речь идет о службе не совсем обычной, обязанности которой будут разъяснены вам ко времени, — сказал граф.

Глава 9. На исповеди

... Через полминуты Гуго де Пейн остался один. Некоторое время он постоял в нерешительности, размышляя над тем, что ему следует сделать сейчас, потом решил выйти на воздух. В дворцовом саду было прохладно, хотя и безветренно. Ночь вступала в свои права, на ясном небе в окружении звезд висела

половинка луны. От пруда тянуло сыростью. Пахло еще не подсохшей весенней землей. Со стороны графских покоев слышалась грустная песня местного слегка гнусавого трувера о каком-то геройски погибшем рыцаре.

Кутаясь в свой зеленый плащ, Гуго просто брел по аллее, слушая довольно заунывный мотив труверской песни. Гуго и не заметил, как ноги сами вывели его к небольшой часовне, расположенной в дальнем углу дворцового сада. Дверь была приоткрыта, внутри горели огоньки свеч, и де Пейн вошел внутрь.

В тишине часовни, возле небольшого алтаря, перед иконой поклонения волхвов стоял аббат Мори. Гуго прошел к алтарю и встал рядом с ним. Но священнослужитель не обратил на молодого человека ни малейшего внимания. Глаза аббата были широко открыты, он смотрел на икону, но казалось, что взгляд его, проходя насквозь, теряется где-то далеко. Так бывает, когда человек смотрит через окно вдаль. Ладони аббата были сложены перед грудью в характерном жесте молящегося, но он не произносил никаких слов, а, напротив, стоял тихо, как безмолвное мраморное изваяние. И молодому рыцарю даже показалось на миг, что священник не дышит.

— Ты удивлен, почему я молюсь, не произнося слов? Но не обязательны слова, если молитва исходит от сердца. — Не меняя своей позы и, по-прежнему, глядя сквозь икону, негромко произнес аббат, отвечая на мысль молодого рыцаря, так, словно бы слышал ее.

— Здравствуйте, ваше высокопреосвященство, — тихо поздоровался де Пейн.

— Здравствуй, Гуго. Перед Господом все равны, и потому, можешь не упоминать титулы в Божьем доме, ибо они суета есть, — произнес аббат, затем негромко спросил:

— Что привело тебя, добрый юноша, в этот поздний час

в храм Божий?

— Я гулял по саду и сам не заметил, как оказался здесь, — честно ответил Гуго.

— Ничто просто так не происходит с людьми, сын мой, ибо, все, происходящее с чадами Божьими наполнено высшим смыслом. Посему, будем считать, что Провидение Господне прислало тебя сюда, — сказал аббат.

На какое-то время в часовне вновь стало совсем тихо. Ровно горели перед иконами свечи на золотых подставках. Гуго обдумывал слова аббата, и не знал, что сказать. Потом, наконец, решился и произнес:

— Я слышал, что вы занимаете при дворе графа пост капеллана. Верно ли это?

— Да, это так, юноша. Я ношу духовное звание аббата, но моя община в Святой Земле разгромлена врагами христиан, а посему, ныне я настоятель этого маленького храма и исповедник графа Шампанского, — ответил священник.

— А можно и мне исповедоваться у вас? — спросил молодой рыцарь.

— Конечно, сын мой. С радостью я выслушаю тебя. Можешь говорить прямо здесь и сейчас, ибо кроме меня, тебя и Господа здесь никого нет, — сказал аббат Мори.

— Я грешен, сильно грешен. Я убивал. И кровь многих людей на руках моих. Скоро, возможно, мне предстоит принять смерть в судебном поединке. И я не хотел бы покинуть этот мир не прощенным. Я раскаиваюсь в содеянном... — начал Гуго, и голос его дрожал.

— И скольких ты убил, сын мой? — тихо спросил священник, по-прежнему не глядя на собеседника и не меняя своей молитвенной позы.

— Многих. Больше трех десятков. Я не могу даже вспомнить сейчас точное число их, — произнес рыцарь.

— И кем были они? — спросил аббат.

— Некоторые из них были сарацинами, некоторые маврами, а некоторые — христианами, — с дрожью в голосе ответил Гуго.

— И почему ты убивал их? — ровным голосом задал вопрос священник.

— Потому что я бился с ними ни на жизнь, а насмерть на полях бранных, — ответил рыцарь.

— По своей ли воле ты сражался с ними, или по приказу властителей? — спросил аббат.

— Я состоял на службе властителей, но сражался, наверное, по своей воле. Честь обязывает рыцаря не уклоняться от боя, а я рыцарь, — произнес де Пейн.

— Грех, совершенный по воле властителя, пусть и руками других, на властителя ляжет, — бесстрастно сказал исповедник.

— Но некоторых я убил не будучи на службе, — неуверенно пробормотал Гуго.

— И за что ты убил их? — спросил священник.

— Они пытались убить меня, и я защищался, — сказал Гуго.

— Защита жизни сама по себе грехом быть не может, — по-прежнему ровно проговорил аббат.

— Почему же тогда я чувствую тяжесть на сердце? Разве это не грех тяготит мою душу? — спросил рыцарь.

— Я не вижу зла в твоём сердце, но ты принял на себя темную тяжесть душ павших, убивая врагов и не умея очиститься. Но я помогу тебе. Сейчас мы с тобой помолимся за убитых. Помолимся за павших на полях сражений. Помолимся за убитых твоей рукой. И пусть все они обретут покой за гранью этого мира. — И в тишине садовой часовни аббат начал читать нараспев молитву на древней латыни. Но,

когда Гуго вслушался в смысл, молитва показалась ему несколько необычной.

— Господи, Владыка Светлого Огня Вселенной, попирающий смерть, пошли луч Твой и очисти нас от тяжких оков темного пламени врага мира и освободи нас от его братии тьмы. И пусть темные сущности развоплощенных врагов наших осветлятся Твоим Светом и окрестятся Твоим Пламенем. И, Господи, во имя Света и Жизни помоги сыну Твоему Гуго из Пейна обрести равновесие духа. — Произнося свою молитву, священник развернул руки ладонями вверх и почти тотчас небольшие огненные язычки свечек, зажженных перед иконами, взмыли ввысь, превратившись на миг в целые фонтаны ослепительного золотистого пламени, отчего в часовне стало светлее, чем днем.

— Что это? — невольно вырвался вопрос из уст рыцаря.

— Господь послал огонь очистительный. И посему, Он отпускает грехи тебе, Гуго из Пейна, — сказал аббат Мори.

— Иисус Христос? Он отпускает мне грехи? — спросил удивленный Гуго.

— Он, Господь наш, отпускает грехи твои, — кивнул священник.

И де Пейн вдруг почувствовал, что словно тяжелый камень свалился с его души. Ему впервые за очень долгое время сделалось вдруг легко, радостно и спокойно. Аббат, по-видимому, заметил произошедшую с де Пейном перемену и спросил:

— Как ты себя теперь чувствуешь, юноша?

— Я словно бы обрел крылья. Эта ваша молитва... Я никогда не слышал такой... Но откуда взялись такие столбы огня? — недоумевал рыцарь, и тут исповедник повернулся к нему и, глядя прямо в глаза, сказал:

— Запомни, юноша, что каждая церковь, даже самая

маленькая, — это не просто храмовое здание, это Врата в Град Божий, а Град Божий и есть Истинный Храм. Только мало кто из нынешних священников по-настоящему может использовать силу этих Врат. Я же лишь слегка приоткрыл тебе вход в Град Божий. И он открыт для тебя, ибо в твоём сердце узрел я ключ к Граду Божию. И когда-нибудь ты и сам сможешь открывать двери в него, ибо есть люди, которым для входа в Град Божий не нужно ничего внешнего: ни молитв вслух, ни икон, ни обрядов. Многие же, напротив, ищут Град Божий всю свою жизнь, молятся на коленях дни напролет, самозабвенно постятся, кочуют от одних святых мест к другим, но не находят его нигде. Ибо сокрыт он от лукавых и корыстных. Глупцы, они не ведают, что Град Божий не нужно искать, потому что он всегда рядом с нами. И не количеством посещенных святынь вымощена дорога к нему, а благими делами и чистыми помыслами. И только те, кто полностью преодолел самого себя, кто искоренил в себе тьму, могут входить в Град Божий, ибо ключи от этого Града есть внутри каждого сердца. Нужно только заглянуть к себе внутрь и выбросить из своего существа весь мусор, все незначительное, недоброе и суетное. Нужно строить храм свой внутри своего собственного сердца. Нужно сознательно очищать свою душу от всего наносного и всегда поступать по совести, и тогда, когда кристалл души засверкает как горный хрусталь в первозданной своей чистоте, откроются заветные Двери. Но люди пока, увы, этого не умеют и не скоро этому научатся. А Град Божий повсюду. Он внутри нас, и он вокруг нас. Он, как и Творец его, пронизывает все. Но большинство обыкновенных людей, увы, еще не способны увидеть Град Божий. Вот для того чтобы помочь им выйти на правильную дорогу и нужны вещи внешние: молитвы, иконы, обряды и церковные постройки. Но я знаю, когда-нибудь наступит такое время, что граница исчезнет, внешнее станет

ненужным, и Град Божий придет в этот мир, и Истинный Храм будет построен. Но чтобы это время приблизить, нам всем, всем добрым людям, необходимо непрерывно бороться, ибо Сатана не дремлет. Он затуманивает взор глядящим вдаль и направляет на ложный путь странников. Он путает понятия и заставляет мужей мудрых погружаться в ненужные споры о пустых словах. Он извращает благие порывы целых народов, обращая их на погибель. Он разобщает людей и губит их поодиночке. Он коварен и страшен, наш Враг. Но мы встанем стеной на пути его. И мы будем упорны в битве с ним. И верные уже собираются. Готов ли ты принять участие в предстоящем сражении с Сатаной?

— Конечно, любезный аббат, все то, что я сейчас услышал от вас, созвучно порывам моего сердца. И я готов принять ваши цели, как свои собственные и присоединиться к той тайной организации, которую вы представляете.

Глава 13. Последние приготовления

... По велению графа, де Пейн имел право выбрать любую одежду, доспехи и оружие из хранящегося в просторном подземном помещении арсенала под главной башней. При свете факелов Гуго облачился в новенький добротный стеганный гамбизон²² темно-красного цвета. Надевая его, де Пейн подумал, что, пожалуй, темно-красный цвет — это лучшая расцветка для гамбизона, потому что пятна крови не испортят его. Потому палачи предпочитают одежду этого цвета. И тут же сам ужаснулся собственной мысли: кто же он? Палач или жертва? Наверное, жертва, потому что кровь на гамбизоне, одетом под кольчугу, может быть, скорее всего, его собственной. Да, разумеется, он — жертва своей опасной профессии. Но он

и палач тоже: палач для врагов. Де Пейн знал, что кровь обязательно будет пролита в предстоящем походе, но лучше бы, все же, чужая, чем своя. Нет, он не трусил. Просто ясно осознавал, что с этого момента снова начинается его работа. Работа воина. Работа мясника человеческих туш.

Сверху нового гамбизона Гуго надел свою надежную двойную мавританскую кольчугу, поскольку ничего лучшего в запасах графа быстро отыскать не удалось, а на долгие поиски времени уже не было. Да и вряд ли хранилось здесь что-то прочнее. На ноги, поверх кожаных штанов, он натянул кольчужные чулки и высокие латные сапоги из толстой воловьей кожи, обшитые снаружи железными пластинами. На голову де Пейн надел ватный подшлемник, толстую мягкую шапочку, призванную смягчать удары, а поверх подшлемника надел найденный в арсенале кольчужный капюшон, подходящий по размеру, а сверху этого капюшона — крепкий нормандский шлем из хорошей стали с тремя массивными выступающими пластинами для защиты щек и переносицы.

Поверх кольчуги де Пейн облачился в прочно сшитую просторную кожаную куртку и красивый новый синий плащ, подбитый лисьим мехом: было холодно, а путь предстоял неблизкий. Затем он опоясался широким, расшитым золотом, рыцарским поясом, смазал меч жиром и подвесил его в ножнах слева, заткнул за пояс длинный узкий кинжал и маленький топорик-франциску, надел латные перчатки, взял в левую руку свой большой продолговатый желтый щит с гербом.

Герб де Пейнов происходил еще со времени битвы при Пуатье, когда франки, предводительствуемые храбрейшим Карлом Мартеллом²³, наголову разгромили огромное мусульманское войско и навсегда отбросили мавров с французских земель, прогнав неприятеля за Пиренеи. По преданию, давным-давно рассказанному Гуго его отцом, их

предок сражался в той битве один с тремя знаменитыми мавританскими витязями, победил их всех, отрубил им головы и преподнес Карлу на захваченном золотом блюде, за что и был пожалован роду Пейнов такой вот герб: три отрубленные черные головы на золотом поле. Кроме всего прочего, этот герб означал, что владелец его не отступает перед врагом, пока противостоящая ему сила не будет более чем втрое превышать его собственную.

И только полностью вооружившись, Гуго вышел к уже ожидающим его воинам. Молодому рыцарю почему-то казалось, что боевое облачение защитит его от насмешливых взглядов ветеранов.

Наконец, Гуго оказался во дворе лицом к лицу со своим отрядом. С некоторой робостью вглядывался де Пейн в обветренные, покрытые шрамами, лица воинов. Многие рыцари были гораздо старше его самого. Некоторые из них выглядели настоящими великанами — настолько высокими и широкими в плечах они казались.

Все эти благородные но небогатые воины, одноштитные рыцари, служили графу за жалованье. Они жили войной. И не только из-за того, что война давала им заработок. Просто война была неотъемлемой частью их жизни. Она была для них и печалью, и радостью. Она была их работой и их досугом. Для войны рождались они, с мыслями о войне росли, на войне мужали и на войне умирали. А когда войны не было, они проводили все свое время в подготовке к ней. И сейчас, в предвкушении дальнего похода, эти наемные рыцари громко и возбужденно переговаривались, отпуская грубые шутки.

Гуго прекрасно понимал настроение этих людей. Точно так же служил когда-то разным властителям его отец. А еще совсем недавно он и сам служил в Испании за жалованье. Но про себя де Пейну гораздо приятнее было считать, что, в

отличие от этих продажных вояк, он сражался в Испании за христианскую веру, против неверных мавров. Эти же наемники воюют с такими же христианами, как и они сами, воюют со всеми, с кем прикажет воевать граф.

Едва завидев Гуго де Пейна в сопровождении Андре де Монбара, суровые воины замолчали и принялись недоверчиво сверлить нового командира глазами.

— Это мессир Гуго де Пейн. Он поведет вас. Сам граф Шампанский назначил его командиром вашего отряда, — представил его рыцарям капитан.

— И чем же этот мессир знаменит? Мы совсем не знаем его, — сказал какой-то грузный рыцарь, краснощекий здоровяк, стоящий ближе других.

— А, судя по его щиту, это, кажется, тот славный вояка, который упал носом в грязь во втором бою второго дня турнира, — сказал какой-то высокий рыжий веснушчатый парень, и все воинство дружно загоготало.

— Вы зря смеетесь. Шателен²⁴ Гуго де Пейн с семнадцати лет носит рыцарские шпоры. Он верно служил графу Тибо, покойному родителю нынешнего графа Шампанского, воевал против мавров в Испании. До последнего времени он служил в гвардии доблестного арагонского короля Санчо Рамиреса, а совсем недавно, вернувшись в родные края, лично задержал грозного разбойника Бертрана де Бовуар. — Громко, так, чтобы услышали все, произнес де Монбар, пытаясь поддержать друга. Но ответом ему была тишина: ни одной одобрительной реплики в адрес нового командира так и не прозвучало, и де Пейн сразу понял, что авторитет у этих людей можно завоевать только в бою.

Куда, зачем и почему собирались рыцари графа Шампанского можно узнать, купив книгу.

Концевые сноски

¹ Библия, Псалтирь, псалом 144, стих 17.

² Домен — владения верховного феодала.

³ Сюзеренитет — феодальное подчинение.

⁴ Мизерикордия — рыцарский кинжал, использующийся для поражения противника через щели доспеха; другое название «милосердник», поскольку часто применялся для добывания раненых с целью прервать их мучения быстрой смертью.

⁵ Патрон — начальник (фр.)

⁶ Донжон — главная башня, самое высокое строение в замке.

⁷ Хака — столица королевства Арагон.

⁸ Тонзура — (лат. tonsura) остриженное место на макушке у католических духовных лиц, символ отречения от мирских интересов. С давних пор существовал обычай, по которому кающиеся остригали себе голову наголо; затем этот обычай переняли монахи, а в VI в. и все христианские духовные лица. Обычай ношения тонзур духовенством узаконен четвертым толедским церковным собором 633 г. Различали два основных вида тонзур: тонзура апостола Павла, когда наголо остригалась передняя часть головы, и тонзура апостола Петра, делавшаяся на макушке в форме кружка.

⁹ Миля — мера длины; старая римская миля, которой пользовались в средневековье, равна 1481 м.

¹⁰ Шевалье — принятое в средневековой Франции обращение к рыцарю, буквально означающее «всадник».

¹¹ Имеется в виду призыв папы Урбана II к крестовому походу против мавров в 1089-м году. Не путать с позднейшим призывом этого же понтифика к крестовому походу на Иерусалим в 1095-м.

¹² Крест поверх одежды разрешалось носить только лицам духовного звания.

¹³ Барбакан — предвратное укрепление в средневековой фортификации, защитное сооружение перед воротами крепости.

¹⁴ «Божий мир» — мораторий на ведение военных действий, перемирие между всеми сторонами, устанавливаемое совместно духовной и светской властью; широко практиковалось в Средние века, обычно, представляло собой правила, которые запрещали ведение войн большую часть года.

¹⁵ Фибула — пряжка для крепления плаща.

¹⁶ Шоссы — разновидность средневековой обуви; высокие мягкие сапоги на шнуровке.

¹⁷ Коннетабль — командующий войсками при феодале.

¹⁸ Сенешаль — глава исполнительной власти при феодале.

¹⁹ Манор — укрепленный особняк, значительно меньший, чем замок.

²⁰ Мессир (позже «месье») — одно из распространенных обращений к рыцарю в средневековой Европе. Во Франции использовалось наряду с обращением «шевалье».

²¹ Гваддарама — горный хребет в Испании.

²² Гамбизон — стеганное войлочное одеяние под доспех, используемое для смягчения ударов.

²³ В 732 году вторгнувшиеся из-за Пиренеев в Галлию арабы были остановлены Карлом Мартеллом при Пуатье.

²⁴ Шателен — (фр.) владелец замка.